

де скандинавская линия

«Фруде Гранхус так описывает людей и природу, что стены вашей гостиной будут трещать от ветра с Лофотенских островов!»

Гури Жельтенс, Уб, Норвегия

«Тонкий и умный детектив».

Турбьерн Эжелунд, Dagbladet, Норвегия

ДЕТЕКТИВ
О РИНО
КАРЛСЕНЕ

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!

ФРУДЕ ГРАНХУС

ШТОРМ

18+

Фруде Гранхус

Шторм

Серия «Скандинавская линия «НордБук»»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64734311
Шторм: роман; Гранхус Фруде: Городец; Москва; 2021
ISBN 978-5-907358-25-6*

Аннотация

Однажды ночью в шторм на Лофотенских островах в районе рыбацкой деревни Рейне с горы сходит оползень. Образуется глубокая расщелина, открывающая то, что на первый взгляд похоже на старые человеческие кости. Только очень маленькие.

В деревенском доме-интернате есть пострадавший при пожаре постоялец. Огонь отобрал у него зрение и речь, и он не может никому пожаловаться на то, что боль усиливается, ведь кто-то делает все возможное для того, чтобы ему становилось хуже день ото дня.

«Шторм» Фруде Гранхуса (1965–2017) – яркий пример скандинавского детектива, где сюжет до последней страницы оставляет читателя в напряжении и не дает отложить книгу.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	41
Глава 10	48
Глава 11	57
Глава 12	60
Глава 13	64
Глава 14	66
Глава 15	76
Глава 16	79
Глава 17	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Фруде Гранхус

Шторм

Роман

Frode Granhus

Stormen

© Vigmostad & Bjørke, 2012

© А. Юченкова, перевод на русский язык, 2021

© ИД «Городец», издание на русском языке,
оформление, 2021

*You may walk and you may run
You leave your footprints all around the sun
And every time the storm and the soul wars come
You just keep on walking¹.*

К. Макдональд / Р. Макдональд – RUNRIG²

Дорогая Алине!

*Есть кое-что, о чем я никогда тебе не рассказывал.
Все эти годы эта тайна мучила меня. Ты всегда
была так добра ко мне. Я вовсе не заслуживаю твоей
доброты. И ты всегда слушаешь, не осуждая. Но эту*

¹ Можешь бежать, а можешь идти, Ты оставишь повсюду следы на пути, Но всем штормам и смуте в душе вопреки Просто иди (пер. с англ. редактора).

² Runrig – шотландская келтик-рок-группа.

тайну я не был готов тебе открыть. До сегодняшнего дня. Ты, конечно, поймешь, почему я так долго ее хранил, ведь тому, о чем я хочу тебе рассказать, не может быть никакого оправдания. Единственное, что я могу сказать в свою защиту, – я расскажу тебе о бездонном отчаянии мальчика. В тот день весь мой мир рухнул, и я никогда не смогу простить себе того, что сделал.

Глава 1

Черные, как дым от горящего мха, облака наползали с юга и несли с собой каскады проливного дождя. Горы здесь были самыми крутыми и самыми опасными на Лофотенских островах, оползни случались очень часто, и летом, и зимой. Те, кто все-таки решился поселиться у подножия этих колоссов, строили дома так, чтобы они выдерживали лавины и сели. Однако горы вероломны и непредсказуемы, море так и стремится утянуть тебя в свои пучины, а лавина – упокоить на веки вечные под снегом. Силы природы обратили поселенцев в бегство, и большинство деревушек в районах оползней теперь были покинуты и пустынные, хотя некоторые из них и прославились благодаря интересу туристов к былым временам.

Ветер усилился и взбурлил воду во фьорде. Дождевые потоки хлестали по горным склонам, размывали тысячелетние ущелья, и, наконец, последний удар нанесла сила тяжести. Огромный валун оторвался от склона и полетел вниз, врезался в гору чуть ниже и раскололся на тысячи мелких камней. Нарастающий рев заполнил фьорд, казалось, горы разом издали доисторический вздох. Оползень подковой двинулся вниз и утащил за собой старый лодочный сарай, мгновенно разлетевшийся в щепки. Облако из земли и камней последовало за бурлящим потоком, врезалось во фьорд и разбилось

о волну, рожденную встречным ветром.

Звук умер так же резко, как и возник. Облако пыли долго висело в воздухе, а затем, медленно тая, приоткрыло изменившуюся гору. Разлом, как будто вырезанный лазером, сильно отличался от грубо вырубленных скал. А там, где горный склон был пологим и поросшим травой, образовалась глубокая расщелина.

Глава 2

Офицер полиции Бергер Фалк сидел на палубе, несмотря на неприятный ветер и высокую скорость. Ему нужно было привести мысли в порядок. Сандра, его единственная дочь, очень переживала за отца, – несколько лет подряд она неустанно твердила ему: «Тебе нужно кого-нибудь найти, ты что, собираешься прожить отшельником до конца жизни?» И прочее в том же духе. Ему, в общем-то, нечего было возразить, кроме того, что незамужних женщин в Рейне можно пересчитать по пальцам одной руки. Он перечислил ей всех и отверг каждую из кандидаток. Сандра и так всех их знала и понимала, что всего лишь одна из них по возрасту подходит отцу, при этом из-за психических особенностей к этой женщине давным-давно прицепилось довольно сомнительное прозвище, пожалуй, что уже никто и не помнил, как ее на самом деле зовут. Сандра возразила, что можно найти свою любовь и за пределами Рейне, и хотя он думал, она имеет в виду ближайшие городки, на самом деле дочь показала ему целый мир женщин, которые мечтают лишь о нем одном, а находятся на расстоянии одного клика мышкой. Он ответил, что об этом и речи не идет, подобный способ знакомства отдает холодным расчетом. Все-таки уже через несколько дней он, стыдясь самого себя, зарегистрировался на одном из многочисленных сайтов знакомств, которых полно в

интернете. И вот – почти год спустя – впервые сблизился со своей интернет-знакомой.

Женщина жила на юге, но родом была из Сволвера, так что считала себя кровной северянкой, это было очень важно. Так считала она. Он, к своему опасению, согласился с ней, и вот теперь сидел – абсолютно продрогнув – и все лучше понимал, что далековато вышел за пределы зоны комфорта Бергера Фалка.

– Подмерз? – шкипер судна «Лофотфьорд-II», Улав Рист, выглянул из открытой двери рубки. Рист перевозил пассажиров по фьорду, сколько Фалк себя помнил, кроме разве что этой зимы, когда агрессивный рак выбил его из игры. Ходили слухи, что Рист был при смерти, однако около месяца назад он вернулся на свое место, изрядно похудевший, но все тот же старый добрый шкипер. Ристу почти исполнилось семьдесят пять, и раз уж раку не удалось поставить его на колени, трудно было даже представить себе, что могло бы лишить его призвания.

– Иду к тебе!

Хотя они находились еще довольно далеко от берега, Фалк уже разглядел расщелину в горе. Такого сильного оползня местные и не помнили, а что еще хуже – под завалом оказался популярный туристический маршрут в Винстаде, в разгар сезона довольно многолюдный. Меньше всего муниципалитету Москенес было нужно, чтобы туристы выбрали себе другую природную жемчужину.

Лишь зайдя в рубку, Фалк осознал, что промерз до самых костей. Рист криво улыбнулся ему.

– Надеюсь, ничего серьезного здесь не случилось?

Фалк уже рассказал Ристу, что на острове был обнаружен человеческий череп. Офицер решил, что раз уж шкиперу приходится делать внеочередной рейс, он имеет право знать некоторые детали. К тому же сарафанное радио работало здесь так же хорошо, как и везде. И слухи настигли бы его в любом случае.

– Не думаю. Здесь всегда найдется работа для археолога. Скорее всего, какой-нибудь паренек из пещерных времен, вот увидишь.

Давным-давно в одной из заброшенных рыбацких деревень была обнаружена пещера, которая сразу же стала туристической достопримечательностью, хотя попасть туда могли только по-настоящему заинтересованные.

– Конечно, – согласился Рист, снижая скорость. На причале стоял человек с собакой на поводке. Немного поодаль сидели женщина и годовалая девочка – обе что-то высматривали.

«Хороший отвлекающий маневр», – подумал Фалк, решив, что женщина ищет на мелководье подарки последнего прилива.

Мужчина протянул потную руку в знак приветствия.

– Его нашла Лайка, – бордер-колли приветливо завиляла хвостом и рванула поводок, чтобы обнюхать новоприбыв-

ших. — Сесилия — моя жена — настояла на том, чтобы вызвать полицию. Конечно, скорее всего, это древний череп, но все же.

Фалк кивнул и оглядел место происшествия. Знаменитая пещера находилась на другой стороне горы и выходила в открытое море. То есть теория подтверждалась: укрытие пещерного человека из тех времен, когда на охоту ходили с копьем и топором. Легким кивком головы офицер поприветствовал женщину, которая, как он и предполагал, перебирала ракушки, а затем направился к расщелине вместе с собакой и ее хозяином.

Яма оказалась глубже, чем он себе представлял. Глубокая впадина, как будто процарапанная гигантским когтем, по обе стороны которой на десятки метров были рассыпаны комья земли и камни. Оползень миновал маленький летний домик, но забрал с собой лодочный сарай, тем самым напоминая, что опасность подстерегает каждого.

Мужчина поднялся чуть выше по склону и указал в глубину ямы:

— Там, внизу!

Фалк сразу же заметил лежащий на маленьком камне череп.

— Лайка совсем разволновалась. Я видел, она побежала вниз, и подошел посмотреть. И сразу же заметил, где именно она копала. Там на виду было несколько костей, и, как я уже сказал, Сесилия отказалась идти дальше, пока мы не заявим

в полицию.

Фалк посмотрел вверх на нависающую гору, а затем осторожно спустился в яму. Когда он представил себе, что, чтобы преодолеть пятьсот-шестьсот метров до того места, где он сейчас находился, оползнию понадобилось всего несколько секунд, по спине у него побежали мурашки. Миниатюрное цунами, по всей видимости, прокатилось по фьорду, но затихло, еще не достигнув берега.

Хотя череп положили на камень из лучших побуждений, в этом было что-то кинематографичное. Офицер прошел еще несколько метров и сразу же заметил еще несколько костей. Он наклонился и чуть было не поднял с земли то, что посчитал локтевой костью, но в последний момент удержался. Останки не имели ничего общего с пещерным человеком. Конечно, нет. Он огляделся. Может, какая-то семья решила похоронить кого-то из родственников за пределами кладбища?

– Что скажете? – мужчина нетерпеливо оглядывался. Ему явно очень хотелось побыстрее продолжить свою прогулку.

– Это скелет, ни больше, ни меньше. Вы шли в Бюнес, так? Мужчина кивнул.

– Тогда я советую вам продолжить путь. Еще полчаса, и солнце сядет за гору.

Мужчина попрощался, и Фалк остался в яме один, не очень представляя, что ему делать дальше. Он уже убедился, что вызвали его не зря, оползень вытащил на поверхность че-

ловеческий скелет. Фалку оставалось только надеяться, что тело похоронили здесь много веков назад. Сейчас нужно сообщить о находке в управление, чтобы ленсман предпринял необходимые меры. Офицер осторожно поднял череп с земли. И собака, и ее хозяин уже оставили на нем свои отпечатки, так что тут он уже не навредит. К тому же Фалк сомневался, что ленсман просто зафиксирует находку, не более. Скорее всего, кто-нибудь из давно покинувших эти места мог бы поведать о древнем частном захоронении, тогда находку легко будет объяснить.

Но пока офицер стоял и смотрел на голый череп, подсознание прошептало ему, что находка была гораздо страшнее, что покойник умер вовсе не от старости в окружении любящих родственников, и в последний путь провожал погибшего лишь тот, кто и вырыл ему эту могилу. Фалк присел на корточки и расчистил немного земли рукавом куртки, решив свалить всю вину на собаку. Из земли появились еще несколько костей и истлевшая грязная одежда. Впервые за свои шестьдесят с лишним лет Фалк видел настоящий скелет – настолько скучной была его полицейская служба. И тем не менее он заметил что-то странное. Маленькие фаланги. Слишком маленькие. Потому что все они были сломаны. Все до единой.

Глава 3

Он проснулся, как обычно, от того, что сон изменился, звуки стали более приглушенными и отдаленными, но в то же время более четкими. К тому же во сне не было *запахов*. Конечно, ему могли присниться зловонные раны и ароматные бальзамы, но запахов никогда не было. Только пустое телесное ощущение, не более. А сейчас он ощущал запахи. Сначала сухой воздух, просачивающийся в палату из вентиляции, потом запах постельного белья, раздражающе нейтральный, но в то же время очень яркий. Как только мысли обрели большую четкость, появились и более отдаленные ощущения: аромат кофе – кофе везли по коридору на завтрак, запах свежесвеженного хлеба – все они постепенно заполнили комнату. Потом появились звуки. Сначала только резкие и четкие: металлический звон тележек, на которых медсестры развозили лекарства, похлопывание сандалий по свеженатертому полу, а также приглушенный разговор, за которым последовал чей-то сдержанный смех. У кого-то сегодня хорошее настроение. Затем едва слышно зашуршала вентиляция, этот звук менялся каждый раз, когда дверь в палату открывалась. Бывало, входящие очень старались зайти беззвучно, чтобы не потревожить его сон, но шуршание всегда их выдавало.

Палата, в которой он лежал, была квадратной, каждая сте-

на – примерно четыре метра в длину. Он никогда этого не видел и вряд ли бы когда-либо смог, но все-таки точно знал. Он считал шаги медсестер от двери до кровати, а еще когда они везли его в ванну, расположенную на другой стороне комнаты за раздвижной дверью. Слева от него находилось окно, и иногда ему казалось, что, когда раздвигают шторы, он улавливает лучи света. В глубине души он понимал, что это не настоящее ощущение, а лишь плод его воображения. После тех роковых секунд в гараже он больше не различал свет и тьму.

Горло во время сна пересохло, но он знал, лучше об этом не думать, иначе жажда вызовет приступ тошноты.

Дверь на свежесмазанных петлях тихо открылась, вентиляция зашуршала громче. Медсестра зашла в палату.

– Проснулись, Герой?

Они называли его Героем, как будто в том, как он цепляется за жизнь, есть какой-то подвиг. Он так и не понял, как им удастся различать, проснулся он или спит, возможно, благодаря более глубокому дыханию во сне. Сегодня работала та блондинка с ясными голубыми глазами и кудрявыми волосами по плечи. По крайней мере такой он себе ее представлял, такой портрет рисовал ее мягкий теплый голос. Легкие короткие шаги, шлейф запаха шампуня – и сомнений не оставалось: это была она. Он почувствовал, как к губам прижали стакан, затем первые капли воды. Открытые раны сжались и выплеснули волну боли, все тело содрогнулось, оно горело

так же, как тогда, когда пламя расплатило его кожу и превратило ее в тесный, плохо сшитый костюм. Стон вырвался из желудка, ведь его рот и горло не могли производить звуки.

– Ну, ну, – мягким платком она вытерла ему с губ капли жидкости. От платка пахло так же, как от постельного белья.

Еще капли. Ощущения стали менее яркими, но казалось, будто вода заполнена осколками стекла. Он смог осилить только один глоток. Остальную жидкость он получал внутривенно вместе с другим питанием. В больнице Хаукеланд ему еще удавалось проглатывать холодный суп, но здесь, в пансионате, уже не получалось. Здесь он был во власти Дьявола.

После пожара он, наверное, похудел килограмм на двадцать. Чем меньше подкожного жира, тем больше риск пролежней, но пока ему удавалось переворачиваться в постели, стараясь не лежать долго на спине.

– Попробуем позавтракать сегодня? – прошептала она, надеясь, что так слова прозвучат менее угрожающе.

Все удивлялись, что он отказывался есть, ведь, когда его переводили к ним из больницы, в документах значилось, что он может принимать пищу. Он осторожно помотал головой, сразу же почувствовав, как натянулась кожа за ухом и на шее. Попытки кивать и мотать головой были его единственной возможностью поддерживать общение. Еще в больнице Хаукеланд врачи и медсестры пытались установить с ним диалог – один поднятый палец «да», два пальца – «нет», но так

как все общение сводилось к каким-то несущественным деталям, он решил не затруднять себя.

– Может, попозже?

Мягкая ладонь осторожно коснулась щеки, и она бесшумно вышла из комнаты. Она ему нравилась, помимо мягкости и доброты она обладала еще и потрясающей красотой. Так он решил. Одно то, что она способна находиться возле него, вызывало уважение. Он чувствовал, что в отличие от других медсестер она искренне сочувствовала ему. Она сказала, ее зовут Йориль. Ему казалось, имя не совсем ей подходит, ни той внешности, которую он себе вообразил, ни ей как человеку, но так уж и быть. Йориль хорошая.

Следующим пунктом программы был утренний туалет. Он это ненавидел. Унижение. Сидя, как женщина, при поддержке отвернувшейся медсестры. Звуки и запахи выдавали самое интимное, самое сокровенное. В такие моменты он понимал, как ненавидят медсестры свою работу.

Йориль оставила дверь открытой, так что постукивание сандалий было лучше слышно. От мягких грациозных шажков до тяжелой медленной поступи. Был среди медсестер тяжеловес. Элла. Ему не нравилась Элла по простой причине: от нее яснее, чем от других, сквозило неприязню и отвращением. Она и разговаривала с ним так же: ни слова сочувствия. Слова ради слов. Как-то он попытался было отследить график дежурств, чтобы хотя бы знать, когда нужно собираться с силами, но из-за постоянных изменений отказался

от этой идеи.

Он лежал здесь уже три месяца. Сначала его вывозили в холл по вечерам, пытались вовлечь в жизнь пансионата, но он ненавидел это выставление себя напоказ в качестве героя фильма ужасов. Он хотел быть один. Наедине со своими мыслями.

Очнувшись после случившегося, он испытал шок от собственного уродства, но при этом не знал, что именно произошло. Однажды где-то между многочисленными операциями он подслушал разговор врачей, которые обсуждали, как необъяснимая утечка бензина могла привести к взрыву газонокосилки. Сам он помнил только, как зашел в гараж, чтобы починить двигатель Бриггс Страттон, и в тот момент, когда наклонился над газонкосилкой, все вокруг почернело. Лишь после перевода в пансионат ему пришло в голову, что взрыв вовсе не был несчастным случаем. Не проходило и дня, чтобы он не ломал себе голову, пытаясь понять, кто и зачем это сделал, но единственное, в чем он был уверен, — его не пытались убить. Наказанием было не то, что произошло полгода назад в гараже. Его наказывали сейчас каждым болезненным вздохом. И наказание будет длиться до тех пор, пока однажды его силы не иссякнут.

Глава 4

Бергер Фалк осторожно стряхнул еще немного земли со скелета, присел и внимательно рассмотрел грудную клетку погибшего. Ни одной целой кости. Конечно, можно объяснить подобные травмы падением, склон в этом месте был весьма крутым, но что-то подсказывало офицеру, что это совсем не так, к тому же на черепе не было никаких повреждений. Не бей по лицу, не оставляй следов там, где другие могут их увидеть.

Останки поплыли перед глазами, и перед Фалком предстало лицо человека, которого он хотел бы забыть навсегда. Улыбка редко появлялась на нем, но даже когда внешне он выглядел беззаботным и радостным, скрытая ненависть сквозила в его чертах. Полжизни Фалк пытался найти ответ на вопрос, за что, но в итоге смирился с тем, что причины он никогда не узнает. Он вытянул левую ладонь. Два пальца были искривлены, переломы срослись неправильно. Последний привет от отца, оставшийся на всю жизнь. От отца, который так никогда и не ответил за свои злодеяния.

Домой Фалк попал уже затемно. Стая бездомных кошек бросилась врассыпную с лестницы, когда он завернул за угол дома, а затем, убедившись, что это именно он, замерла в ожидании. Офицер знал, что не успеет он закрыть за собой

дверь, как все эти создания снова разместятся на лестнице. Знал он и то, что ему не будет покоя, пока он их не покормит. Правда, у добродушия была и своя цена. В его скромном садике пахло далеко не сиренью. Бездомные кошки были давней проблемой Рейне. И все меньше людей стремились им помогать. Возможно, именно поэтому возле дверей Фалка кошек становилось все больше.

Он принял душ, стараясь согреться. Улав Рист доставил к месту находки ленсмана, и при помощи криминалистов останки были осторожно извлечены из земли. Теперь дело оставалось за судмедэкспертами, которые должны были составить заключение. Фалк поделился своим предчувствием с ленсманом, но не нашел понимания, тот склонялся к версии о кладбище, на котором можно найти и не такое, если поискать.

Возможно, и все же не так. Это был ребенок. Искалеченный ребенок.

Фалк приготовил себе самый простой ужин, яичница-глазунья на куске хлеба, и поел прямо перед компьютером. Иконка в правом углу экрана подмигивала и сообщала, что у него есть новое сообщение. Как и ожидалось, оно было от Ольги. Опасаясь и одновременно предвкушая, он открыл письмо и по какой-то причине представил себе единственную Ольгу, которую он знал, – злобную дылду из Сёрвогена. Но в этот раз Ольга приложила свою фотографию. Он поспешил открыть приложение, надеясь, что она будет совсем не

похожа на болтунью из Сёрвогена, но в то же время ее красота не прогонит прочь сказку, которая еще толком и не началась. Она оказалась вовсе не такой, какой он себе ее представлял, и он осознал, что на самом деле мечтал, чтобы женщина оказалась похожей на Кристину.

Фалк понимал, что большинство мужчин назвали бы Ольгу симпатичной, сам же он решил, что у нее чересчур яркие черты лица, поэтому первое впечатление было неоднозначным. Он прочитал письмо и признал, что впереди ждало что-то необычное. Сразу же в голову пришла мысль, что события развиваются слишком быстро, и он тут же пожалел о том, что дал себя уговорить. По правде, Сандра могла подбить его и не на такое. Фалк боготворил свою дочь, можно даже сказать, жил только ею, возможно, именно поэтому она настаивала, чтобы он нашел себе женщину. Тогда она смогла бы жить своей жизнью. Он нажал кнопку ответа, но слова исчезли. Исчез и голод, и он отодвинул от себя тарелку. Он правда этого хочет? Он попытался настроиться, но в мыслях была только Кристина.

Фалк неоднократно обследовал место, где машина съехала в кювет. Свободное падение с высоты пятнадцати метров не оставляло шансов выжить. Никакие другие машины в аврии не участвовали, вскрытие не показало никаких нарушений в организме. Это вынуждало его пересматривать последние годы их совместной жизни и отчаянно выискивать какое-нибудь упущение, нечто, подтверждавшее, что не все

было так, как он себе представлял. За полгода он еще глубже ушел в депрессию, но затем попытался успокоить себя мыслью о том, что иногда случайности все-таки встречаются. И все же в глубине души он так и не смирился с обстоятельствами смерти жены.

Фалк зашел в кабинет, шкаф в котором от пола до потолка был заполнен папками. В детстве он любил лежать, прижавшись ухом к радиоприемнику во время спортивных передач, и заполнять страницы результатами и показателями. И хотя он уже давно нашел себе более обычное хобби, он все еще собирал то, что вряд ли когда-нибудь кому-нибудь понадобится. Случалось, что по вечерам он доставал одну из папок и пробуждал воспоминания о событиях, которые ощущались на удивление недавними.

Но идиллии пришел конец.

Фалк бросил взгляд на рисунок, который прикрепил к стене в углу. Зачем он его там повесил, он и сам не знал, ну разве что затем, что тот тоже служил отголоском прошлого. Однажды весной его вызвали в гараж неподалеку от дома, там произошел несчастный случай. Даже описание пострадавшего производило сильное впечатление, но запахи оставили неизгладимый след. Так как начальник пожарной службы признал, что причиной пожара стал взрыв газонокосилки, дело тут же закрыли. И все же кое-что заставило Фалка сомневаться. На одной из стен, почерневших от сильнейшего дыма, висел этот рисунок – прямо под крышей. На листе

было изображено уродливое лицо, оно заставило офицера вспомнить то, что он долгие годы пытался забыть. Он незаметно снял рисунок со стены и забрал с собой, с тех пор тот и висел здесь. Не проходило и дня, чтобы Фалк не вглядывался в него, пытаясь понять его значение. На него смотрело лицо, нарисованное грубыми мазками, резкими контрастными красками. Оно было недружелюбным и недобрым. Он был уверен, что рисунок нарисовал ребенок, к тому же это скорее была маска, а не лицо. Застывшие черты, черные злые глаза, кроваво-красные зрачки. Это была маска, которая кричала о страдании. В детстве он и сам рисовал что-то похожее и мог прекрасно почувствовать сквозившую боль. Взгляд маски почти гипнотизировал его. Что же такого увидели эти кроваво-красные глаза? Что пришлось пережить человеку, который спрятался за маской? Фалк знал, что о происшествии в гараже он точно не забудет.

Глава 5

Мужчина наблюдал за ней через окно. Она сидела в гостиной и смотрела телевизор. Ее лицо по-прежнему ничего не выражало, казалось, она не была способна чувствовать ни радость, ни горе. Но ему было виднее.

Она горевала.

Она встала, он перевел взгляд на следующее окно. Через мгновение она оказалась на кухне, где, как ему показалось, приготовила себе пару бутербродов. Двигалась она медленно и размеренно, будто проживая жизнь в замедленном темпе. И, возможно, так оно и было: она жила медленно.

На ней была желтая блузка. Он давно уже заметил четкий график – определенная одежда на каждый день недели. Сегодня был понедельник. И желтый цвет. Она достала поднос из нижнего ящика кухонного шкафа и пошла обратно в гостиную. Он снова удивился, как она может есть всухомятку. Неважно, что именно она ела: полноценный обед или перекус, правило было одним и тем же: стакан молока через десять минут после еды. Ему захотелось пить от одной мысли об этом. И вот она сидит в гостиной, уставившись в телевизор, ни разу не переключив канал. Ему и это казалось весьма странным. На какой бы канал она ни попала, включив телевизор, весь вечер она смотрела только его. Пустая жизнь.

Он еще немного побыл у нее. Затем свернул подстилку,

которую связала ему мать, и ушел. Следующей остановкой был пансионат. Он старался держаться склонов у дороги, чтобы никто не заметил его ночных блужданий. Местность была покрыта порослью травы, так что он двигался мягко и осторожно. Вечер и ночь были его временем. Никакого шума от машин и лодок, лишь легкий плеск волн, а если ветер усиливался, то слышались тяжелые удары морской воды о скалы и валуны. Миновав Райнехалсен, он спустился к морю, чтобы не попасть в свет дорожных фонарей. Он шел по кромке воды, пока не дошел до деревни. Перешел дорогу в самой затемненной части и почти сразу же оказался в кустах возле пансионата. Взглянул на часы. Без четверти одиннадцать. Через пятнадцать минут погасят свет. Он не понимал, зачем его вообще включают. Для пациента в палате 211 ночь была вечной.

Проверив дважды, что за окном никого не было, он достал маленькую лестницу, спрятанную в траве. Быстро добрался до оранжевого здания, бесшумно приставил лестницу к стене. Четыре ступеньки, и он достиг окна палаты 211. Монстр лежал на спине – как обычно. Глаза закрыты, точнее, веки слиплись и стали похожи на окаменевшие слезы в глазницах. Остальное лицо покрывали пятна обгоревшей кожи, более светлые участки, видимо, пересажены. Наверное, его лишенный кожи затылок нещадно потел. На шее и на груди так же виднелись явные следы пламени, как и на той части тела, которая торчала из-под одеяла. Его сильно поджарили...

Такова судьба, она злопамятна и воздаст за деяния. Лежи и вспоминай о том, как ты жил до пожара – задолго до пожара. Подумать только, сколько же боли ты причинил! Дверь в палату отворилась, и он поспешил спрятаться. Они всегда заходили к пациенту с ожогами перед тем, как выключить свет, чтобы удостовериться, что тот все еще дышит. Прошло не больше минуты, и свет погас. Он попробовал снова взглянуть в окно, но шторы были задернуты.

Обратно он пошел той же дорогой, держался кромки воды, уверенно перешагивая по покрытым растительностью камням. Пахло водорослями и соленым морем, а позже, когда он протиснулся между столбами пристани, его настиг запах рыбы и просмоленного дерева. Этот запах был знакомым и надежным. До дома он добирался час, а если бы пошел по шоссе, то дошел бы за двадцать минут.

Покосившийся домик находился в самой отдаленной части Рейне, притом что большая часть деревни прижималась к подножию гор. Он был зажат между большими и малыми валунами на склоне в паре сотен метров от остальных зданий. Могучие камни никогда не казались ему опасными. Они защищали от непогоды и ветра и олицетворяли одиночество и безопасность. Он достал ключ из потайного места за обшивкой дома. Они с мамой договорились, что, уходя, он всегда будет запирать дверь, так как она не смогла бы прогнать непрошенных гостей. Запах объял его сразу же, как только он переступил порог, сильный, но вовсе не неприятный. Это

был запах дома Шура Симскара. Его дома. Он расправил загнущийся коврик и прошел на кухню.

— Дома! — крикнул он и повесил куртку на спинку стула. Похоже, у нее все хорошо.

Комок в груди рассосался, и ему нравилось чувствовать, что слова снова текут свободно, как всегда, когда он говорил с мамой. Он открыл холодильник и глотнул молока прямо из пакета. Оно было кислым, ужасно кислым. Он проверил срок годности. На пять дней просрочено. Ему скоро придется сходить в магазин, ничего не поделаешь. Старая привычка. Когда-то он откладывал поход в магазин до тех пор, пока не начинал действительно голодать. Но не сейчас. Когда до магазинов Рейне добралась система самообслуживания, он стал свободен. Теперь можно наконец забыть о семи годах школьного ада. Он выбирал именно те продукты, которые хотел купить, а не те, которые умел произносить. Например, молоко. Сколько раз он стоял у прилавка, а делящаяся вечность «ММММ» не давала ему вздохнуть. Старушка Вален его понимала, а вот еще одна продавщица смотрела вопросительно и даже не пыталась скрыть удовольствие от его паники, от стремительно краснеющего лица. От воспоминаний сердце забилося чаще. Больше пятидесяти лет слова застревали в горле. Только от одной мысли об этом внутри все сжималось. Но теперь он был в безопасности. Дома. Дома с мамой.

Глава 6

Фалку приснился отец. Он давно уже не был главным героем его снов, но вот появился снова, и еще отчетливее, чем раньше.

Скованность от этого сна все еще ощущалась в теле, хотя была уже половина одиннадцатого утра. Фалк сидел за столом с первой за сегодняшний день чашкой кофе. Кофе остыл, остыл уже давно. Офицеру позвонили почти сразу же, как он зашел в кабинет. Звонил Дрейер, ленсман из Лекнеса, чтобы сообщить, что отчет судмедэксперта готов. Насильственная смерть, сказал он. Теперь мы знаем.

Теперь мы знаем.

С той секунды, как Фалк поднял с земли сломанные фаланги пальцев, он знал это. Он уже пытался связаться с патологоанатомом, но его попросили перезвонить после десяти. Он снова набрал номер, который записал на листочке, и попросил соединить его с мужчиной, который, судя по имени, был этническим немцем. Женщина в телефон произнесла имя немного по-другому, и через пару секунд эксперт взял трубку.

– Хертцхайм, – голос звучал на удивление норвежским.

Офицер представился и объяснил, по какому поводу звонит.

– Мы руководствуемся сухими фактами, – сказал патоло-

гоанатом, а затем продолжил, вздохнув. – Но ведь и у нас есть чувства. Мы делаем свои выводы.

– Насилие?

– Хм. Повреждения не могут быть вызваны падением, это точно. Для того чтобы размоzzить кости до такой степени, нужно упасть с очень большой высоты...

Фалк почувствовал, что холодеет.

– ... К тому же при падении были бы сильнее повреждены крупные кости.

– Значит ли это, что нет переломов.

– Я сказал, сильнее. Боюсь, что в данном случае мы говорим об одном сплошном переломе. У парня нет практически ни одной целой кости.

Фалк прижался к трубке.

– Я видел много переломов от падений. Все они похожи друг на друга. Боюсь, что этот случай выдающийся. Я как профессионал прихожу к заключению, что мальчику нанесли эти травмы при жизни, хотя все мое нутро отказывается в это верить. И в то же время у меня нет никаких сомнений: травмы привели к смерти. При этом за все тридцать два года практики я никогда не видел ничего подобного.

Фалк смог оторваться от трубки, лишь когда гудки заполнили его голову. Именно сейчас в этой какофонии он осознал, что возненавидел отца с первого удара, и эта ненависть до сих пор жила в нем. Отец не только украл у него детство, он отобрал и значительный кусок взрослой жизни. Фалк по-

чувствовал, как подкатывают слезы, и, даже понимая, что, дав им пролиться, в очередной раз окажется проигравшим, не смог их сдержать.

Глава 7

Около недели назад ему в голову пришла мысль. Конечно, это была последняя соломинка, тонкая и хрупкая, но попробовать все же стоило. Он услышал звук из коридора, всего на несколько секунд, пока медсестры открывали дверь, но сразу же узнал его. Стук клавиш. Общий компьютер для местных обитателей. Его круг общения всегда был очень узким, но, возможно, он смог бы кинуть электронный призыв на помощь Йоару, своему другу по переписке, который, как он надеялся, удивился, когда общение прервалось. Он ведь лежал здесь, обожженный до неузнаваемости, немой и слепой. Как только в нем поселилась искра надежды, ему с трудом удавалось переключиться на что-то другое. Нужно выжить. Сначала надо узнать, где именно в коридоре стоит компьютер. Затем понять, как войти в систему, и, наконец, выяснить, какая почтовая программа там установлена. Место расположения он определил довольно быстро – прямо у стены напротив – в середине коридора. Следующий шаг был сложнее – намного сложнее, он понял, что ему нужно, чтобы к нему заходили чаще именно в те моменты, когда кто-то пользовался компьютером. Когда медсестры оставляли дверь нараспашку, он мог бы что-то уловить. Он стал нажимать на кнопку вызова каждый раз, когда слышал, что кто-то садится за компьютер. Не реагируя на вопросы медсестер, он пытался скон-

центрироваться на словах из коридора. Он уже заметил, что один из мужчин скорее рычал, чем говорил, его голос было хорошо слышно. Даже здесь, в палате. После десятка вызовов – все они были ровно в тот момент, когда кто-то пользовался компьютером – и многочисленных попыток персонала поправить подушки, проверить температуру, задать вопросы, он убедился в том, что все иконки программ были размещены на рабочем столе, а компьютер включен с утра до вечера. Очевидно, никто из старичков не освоил переход на электронную почту, так что ему пришлось поменять стратегию. Он поднимал руку и делал отвергающий жест, как только кто-то из медсестер входил в палату. Но сначала его послание не понимали. Именно Йориль первой обратила внимание и попыталась выяснить, что он хочет сказать. Затем пригодился язык пальцев, которому его обучали терапевты, и в конце концов ему удалось объяснить, что он хочет выбраться из комнаты. После отвергающего жеста на предложенную Йориль гостиную и последовавших за этим нескольких попыток угадать, которые явно доставили ей удовольствие, она наконец поняла, что он хочет просто попасть в коридор напротив палаты. Йориль очень извинялась за свою недогадливость, и он слышал, как позже она передавала его просьбу другим медсестрам.

Уже на следующий вечер перемена места дала свои результаты. Одна из женщин-обитателей пожаловалась на то, что ей не хватает общения с внуками, и рычащий мужчина –

которого, как он узнал, звали Коре – показал ей возможности интернета. Хотмэйл. Иконка почти в самом низу. Итак, основное готово. Теперь оставалось сделать не просто сложное, а то, для чего нужна была помощь свыше: отправить письмо. Конечно, можно жестами попросить Йориль опять помочь ему, но она уже разнесла по всему пансионату радостную новость о его желании выйти из комнаты и вряд ли сохранит его интерес к компьютеру в тайне. Так что, конечно, узнает и она – Дьявол.

Глава 8

Проснувшись, Рино Карлсен сразу же почувствовал запах. Запах старого дома и старой хозяйки. Потом ощутил, как затекли у него бедра и плечи. Он уж и вспомнить не мог, когда последний раз спал на одноместном надувном матрасе. Рино сел и опустил ноги на холодный дощатый пол. Знал ли он, на что соглашается? Вряд ли. Он, конечно, испытывал ностальгию, но это уже было слишком. Объявление по внутренней почте сразу же его заинтересовало – пятимесячная командировка на идиллические Лофотенские острова, напарник для офицера полиции. К тому же Иоаким – его четырнадцатилетний сын – решил какое-то время пожить с матерью, хотя до этого несколько лет жил по очереди с каждым из родителей. Сначала Рино глубоко обидел выбор сына, но позже ему пришлось признать, что бесконечные перемены места плохо действовали на ребенка и такое решение было лучшим для всех. Теперь он мог пригласить сына на выходные сюда, сходить с ним на рыбалку, ну, в общем, поделаться вместе что-то интересное, а не только смотреть телевизор.

Тетушка разрешила ему пожить в доме бесплатно, а взамен он обещал сделать ремонт, который, безусловно, давно уже был необходим. Несколько месяцев назад старушка переехала в пансионат для престарелых и собиралась продать дом после того, как Рино приведет его в порядок. Тогда

делка казалась весьма выгодной, но теперь он уже не был в этом так уверен. Он посмотрел на список заданий, который был прикреплен к одному из шкафчиков. Длинный. И внушительный. И это только про кухню. Списков было много, очень много. Рино признавал, что ожидания тетушки на много превосходили его возможности.

Сегодня был первый рабочий день Карлсена в новом участке, и он нервничал. Вчера Рино целый день провел в управлении в Лекнесе, и встреча прошла совсем не так, как он рассчитывал. Участок в Рейне планировали закрыть, так как офицер Бергер Фалк, прослуживший здесь уполномоченным тридцать пять лет, подал в отставку. Через полгода Фалку исполнялось шестьдесят два года, так что отставка была вполне логичной. Но все-таки это было неправильно. Ленсман не скрывал, что в последнее время уполномоченный был не в себе. Забывчивость, сомнительные приоритеты. Ленсман попытался наладить работу и сам несколько раз в неделю приезжал в Рейне, но ситуация обострилась несколько недель назад, когда сразу же после обнаружения останков человека Фалк без предупреждения покинул участок и даже не запер за собой дверь. Его нашли дома практически безучастным ко всему на свете и вынудили взять больничный. Сейчас офицер вернулся на службу, по его собственным словам, «в полном здравии», но ленсман явно считал иначе. Именно поэтому ему нужен был напарник для Фалка на последние несколько месяцев, ну и помимо этого

найденные останки представлялись весьма необычным делом.

Рино вкратце рассказали о том, как оползень вынес на поверхность земли скелет мальчика-подростка, что была проведена экспертиза и что судмедэксперт с большой долей вероятности установил, что ребенка жестоко избили. Дело крайне заинтересовало Рино, но предстоящая встреча с Фалком его не радовала, не хотелось ему встречаться взглядом с тем, кто, конечно, слишком хорошо понимал, с какой целью прислали новоприбывшего напарника.

Полицейский участок был не только старым и покосившимся, но и намного меньше, чем представлял себе Рино, на выделенном ему рабочем столе едва поместился компьютер. За вторым столом сидел тот, за кем Карлсену надлежало приглядывать. Фалк устало поприветствовал своего напарника. Ленсман предупредил, что у офицера оформлен частичный больничный, так что тот мог уходить и приходить по своему желанию. Ну вот сейчас было чуть больше восьми утра, Фалк сидел на месте, явно готовый к работе. Что бы там Фалк ни думал насчет присланного надсмотрщика, он ничего не сказал. Рино показалось, что тот встретил его с ощущением усталой покорности, как будто у него не было сил ни на что больше, кроме как смириться с происходящим. Первые минуты встречи были посвящены вежливым приветствиям, а затем Карлсен повернул разговор на обнаруженные останки. Он сказал, что получил лишь общую ин-

формацию от ленсмана и хотел бы лично ознакомиться с отчетами специалистов. Фалк, не торопясь, достал папку с бумагами и положил на стол.

– Я сначала все печатаю на машинке. А затем, когда появляется время, переношу в компьютер. Отчет судмедэксперта уже там, – он ударил рукой по папке. – Яснее ясного. Парня забили до смерти.

– Мы знаем, кто это?

Фалк покачал головой.

– Я нашел это вместе с останками, – он выложил на стол нечто похожее на вязанный из толстой пряжи носок, на который были нашиты глаза и нос. – Я смыл с него грязь.

– Какая-то мягкая игрушка.

– Похоже на то.

– Рейне – деревня небольшая, – сказал Рино, который едва мог припомнить пару поездок сюда летом в детстве.

– Его нашли у фьорда. В Винстаде.

– Там еще меньше народу живет?

Фалк посмотрел на него ничего не выражающим взглядом.

– Там никто не живет. Разве что одна несговорчивая дамочка, вот и все.

– Но те, кто оттуда уехал, они же где-то живут.

– Очевидно.

– Кто-то должен что-то знать.

– Кто-то должен, – Фалк залпом допил кофе и коротко

добавил: — Я был на больничном.

— Да, я слышал, — пытаюсь разрядить обстановку, Рино подвинул к себе папку и начал пролистывать машинописные листы. Ошибок было полно, и Карлсен подумал, что программа проверки орфографии наверняка выручала Фалка, когда тот подавал официальные рапорты. В бумагах не было ничего нового, помимо того, что уже рассказал ленсман, но Рино обратил внимание, что офицер достаточно подробно описал позу скелета.

— Там живет Альвильде Хенриксен, но она слишком молода, чтобы помнить события тех лет, — Фалк встал и подошел к единственному в участке окну.

— Вы опросили ее?

— Драйер, ленсман, говорил с ней.

— Удивительно, что никто ничего не знает, особенно учитывая, что там никогда много народу и не жило.

— В старые времена в Винстаде проживало около ста человек.

— Ну, немного.

Фалк пожал плечами.

— В отчете эксперта... есть информация о том, сколько времени останки пролежали в земле?

— Это предварительный отчет. В нем много неточностей. Но дело было где-то в середине прошлого столетия.

— Вот как!

Фалк глубоко вздохнул.

– Бедному парню было совсем немного лет.

– Маловероятно, что.

– Все фаланги перебиты, – Фалк сжал кулаки так, что кожа на них побледнела.

Рино решил сменить тему и кивнул на рисунок, висевший на стене за полками.

– Это ваши внуки нарисовали?

– Нет, что вы, вовсе нет, – Фалк внимательно посмотрел на рисунок. – Он провисел у меня дома несколько месяцев. Я принес его сюда всего несколько дней назад. Мне казалось, я смогу разгадать его смысл, но я не уверен.

– То есть?

– Я нашел этот рисунок весной на пожарище. С тех пор он мне покоя не дает.

Рино вопросительно посмотрел на офицера.

– Взрыв газонокосилки, то есть бензобака. Чудо, что бедняга выжил. А в гараже, где все произошло, висел вот этот рисунок.

– Вы спрашивали об этом пострадавшего?

Фалк покачал головой.

– Он не может говорить. По-моему, он даже есть нормально не может.

– Может быть, это рисунок его детей или внуков. Я хочу сказать, если ему нравилось работать в гараже, почему бы не повесить там рисунок?

– Прямо под крышей? – Фалк встал. – Ладно, пойду до-

мой, – сказал он. Взгляд казался отрешенным, а лицо побледнело.

Глава 9

Следующие несколько недель он пытался запомнить то, что ему удавалось уловить. Йориль дала четкие инструкции медсестрам, каждый день они вывозили его в коридор, там он мог сидеть столько, насколько хватит сил и желания. Он чувствовал, что далеко не всем обитателям пансионата нравятся видеть его, и было несложно понять, почему. Он попытался ощупать свое лицо, но пальцы почти полностью утратили чувствительность. Он понимал, что представляет собой весьма жалкое зрелище, сознавал, что остальные смотрят на него с отвращением. И, тем не менее, он сидел там, прислушивался к разговорам, настораживаясь сразу же, как только кто-то подсаживался к компьютеру. Он владел слепым методом печати и довольно скоро выучил меню регистрации и количество кликов мышкой, которые нужно сделать, чтобы ввести адрес электронной почты и пароль. Он знал, что у него нет права на ошибку. Дьявол увеличила дозировку, так что жить ему оставалось не больше нескольких недель.

Дни сливались в одно монотонное выживание, но он понял, что наступила осень, это подтвердил ледяной воздух, проникающий в палату во время проветривания. Ему удавалось следить за сменой дня и ночи благодаря тому, что рутинные процедуры соблюдались довольно точно. Поэтому, даже лежа в постели, он знал, что примерно через десять ми-

нут погасят свет.

Сидеть несколько часов подряд ему было нелегко. Все тело содрогалось от пульсирующей в такт сердцу боли. Еще несколько дней, чтобы отбросить последние сомнения, и он будет готов. Ему не терпелось рассказать Йоару о том, что случилось, о том, как кто-то умышленно сломал его жизнь, о том, что издевательство продолжается и здесь, в пансионате. Ему не терпелось рассказать о Дьяволе в обличье медсестры, о том, как она ежедневно вливала ему в горло кислоту, с каждой каплей которой утекала его жизнь. Вопрос был не только в том, сколько кислоты выдержит его тело. Но и в том, как долго он сможет терпеть ее последствия: боль от открытых язв в горле, невозможность глубоко вдохнуть.

Сначала казалось, что тело восстанавливается после каждой дозы, но постепенно появились боли в животе, температура, и все чаще он опасался, что захлебнется рвотой. Он уже несколько раз об этом думал, а что, если задержать дыхание, позволить легким еще немного гореть, что если.

От запаха, который не спутать ни с чем, зашевелились волосы на шее. Это была она. Шум вентиляции подтвердил, что дверь распахнулась. Очевидно, она стояла и наслаждалась тем, как его окутывает страх. Она знала, что он боится, хотя ужас не отражался ни в его глазах, ни на изуродованном лице. И все же она заметила, как съежилось тело от предстоящей боли, от боли, которая с каждой каплей становилась все сильнее. Дверь закрылась, запах усилился. Она подошла

к постели. Он изо всех сил сжал рот, он всегда так делал, но в этот раз он поклялся себе не поддаться.

Хотя его кожа утратила чувствительность, он все же ощущал покалывание от ее присутствия. Где-то в глубине своего страха он просто хотел, чтобы это закончилось, чтобы она грубо и жестоко разжала ему челюсть и влила очередные капли, которые разъедают ему горло. Но смысл был в другом. Страх играл важнейшую роль в наказании. А это было именно наказание. И он полагал, что знал, за что. Где-то в тумане что-то всплывало. Проказы мальчика-подростка. Он проанализировал всю свою жизнь до тех времен, которые только мог вспомнить, пытаясь отыскать что-то, что могло бы оправдать такую жестокость. Должно быть, это оно. Игра, которая однажды зашла слишком далеко.

Он почувствовал, как она наклонилась над ним, и вздрогнул. Даже сквозь непроглядную тьму он ощутил ее улыбку. Вливай свой проклятый яд, пусть это закончится! Из глубины живота вырвался стон и превратился в едва слышное шипение, он открыл рот. Боль уже была в его голове, волна захлестнула все его тело и превзошла то, что мог поглотить мозг. Но в горло никаких капель не попало, и скоро он заметил, что запах вдруг утратил отчетливость. Он все еще висел в воздухе, но было件нятно, что она вышла из комнаты.

Ждать больше нельзя. Он аккуратно вытянул руки из-под одеяла и нащупал давным-давно припрятанный предмет. Коктейльная соломинка. К большой радости Йориль, он со-

гласился выпить немного супа, однако на самом деле хотел только завладеть соломинкой. Пару раз она сидела рядом с ним, но на третий ему повезло. Она положила поднос с обедом ему на колени, и, когда ее срочно вызвали в коридор, ему наконец удалось умыкнуть соломинку. И сейчас он вытащил ее из штанов. Подождал, пока звуки в коридоре утихнут, перекатился на бок. Осторожно упал на пол. Казалось, что на его тело натянута кожа мальчика, но, зная, каковы ставки в этой игре, он заставил себя подняться. Держась за кровать, он досчитал до десяти. Боль прилиwała волнами, но он не обращал на нее внимания, и она утихла. К счастью, пламя не добралось до стоп, и он хорошо чувствовал, куда наступает. Сетчатка была оплавлена огнем, но изображение комнаты было загружено в его левое полушарие мозга. Ему понадобилось несколько дней, чтобы составить общее представление, а потом он лишь добавлял детали, так что сейчас видел комнату перед собой достаточно точно. Он шел маленькими шажками, чувствовал, как натягивается кожа на бедрах и пояснице. Спина – в меньшей степени поврежденная огнем – была мокрая от пота. Он двинулся к стене и через несколько шагов коснулся двери. Он открыл ее плечом и едва смог удержаться на ногах, шагнув в коридор. Единственным звуком было легкое бурчание, по всей видимости, холодильника. Хотя его шажки были не больше мышиных, он просчитал, что до компьютера идти не дальше трех метров, и двинулся вперед. Поднял правую руку так высоко, как только

мог, пусть и всего на середину тела, но этого оказалось достаточно, чтобы дотронуться до стола. Держась одной рукой за спинку стула, он попытался согнуть колени. Обожженная кожа натягивалась и саднила, и ему пришлось плюхнуться на стул.

От боли он забыл о том, где находится и что происходит вокруг, закружилась голова, но он сумел совладать с собой. Он знал, что близок к обмороку, и постарался дышать глубоко и ровно. От напряжения его затошнило, но он не поддался. Вместо этого он выпрямился. Нижняя кнопка справа. Едва слышный писк подтвердил, что экран включился. Загрузка занимала всего несколько секунд, но он прождал достаточно долго, пока не убедился, что клавиатура подключилась. Еще немного подготовки, проследить, чтобы курсор находился в углу экрана. Двинув мышкой, он понадеялся, что нажал кнопку «Старт». Еще немного подвинул мышь, два раза кликнул. Возможно, ему удалось открыть почту, а может быть, и нет. Он старался держать руку так, чтобы курсор находился в нижнем левом углу. Поднес левую руку к краю экрана, чтобы почувствовать его размер, затем двинул правой рукой. Немного правее, к центру, повыше. Он полностью сосредоточился на странице электронной почты, которую представил себе. Что-то подсказало ему, что курсор был слишком низко, он немного сдвинул его, а затем кликнул на то, что, как он надеялся, было адресной строкой. Стрельба вслепую. Промахнись он на полсантиметра, и все пропало.

Он отпустил мышку, поднял руки над клавиатурой и приготовился. Возможно, последний пользователь не вышел из почтовой программы, так что ему пришлось бы запустить ее заново, но он должен был воспользоваться шансом. Три ряда вверх, семь клавиш внутрь – клик. Вот и буква Н. Так он продолжал до тех пор, пока не добрался до значка «собачка». Коре возмущался, что клавиша «shift» залипает, так что ему пришлось нажать сразу три клавиши. Найти их было легко, но вот синхронизировать действия пальцев, лишенных чувствительности, было совсем непросто. Поэтому он воспользовался соломинкой. Действуя ею, он попытался зажать все три клавиши, но губы превратились в жесткие ремни из обгоревшей кожи, соломинка выпала изо рта. Он наклонился ниже, но тонкая пластмасса закатилась между клавишами. Он попытался снова, но правый указательный палец отказывал, и на него нахлынула волна безнадежности. На что он надеялся? На чудо? С тем же успехом можно было попробовать прогуляться по воде. И все же он должен был попытаться. Без надежды он умрет до того, как первые снежинки коснутся его окна. Он снова попытался нажать на клавиши, но пальцы казались еще бесчувственнее обычного. Шаги приближались, он понял, что медсестра повернет за угол через секунду.

Кнопка выключения, где она, черт возьми?!

– Так-так, Герой!

Он сполз со стула, зацепив рукой шнур от компьютера. Из

последних сил он попытался выдернуть его из розетки.

Глава 10

Рино поднялся с пола и отряхнул грязь с брюк. Участок был маленький, но места на полу для его ежедневной порции скручиваний вполне хватало. Хотя, пожалуй, считать эти порции ежедневными было бы преувеличением, пусть он и запланировал избавиться от пивного животика, когда переехал сюда. Он представлял себе регулярные занятия скалолазанием, но для того, чтобы покорять горы, нужны были веревка и оборудование. Так что для начала он занялся скручиваниями. По крайней мере, усевшись за папку с делом об останках, дышал он так же, как после скалолазания. Первую половину дня Рино посвятил тому, чтобы перечитать все отчеты, которые, в принципе, сводились к тому же, что рассказал Фалк. В отчете судмедэксперта отмечалось, что мальчику было примерно тринадцать-четырнадцать лет. Ровесник Иоакима, который после долгих споров между родителями весной все-таки начал принимать риталин³. Именно Рино выступал против применения препарата, не желая признавать, что поведение мальчика объясняется не только подростковыми гормонами. Но в конце концов согласился попробовать лечение на пару месяцев. С тех пор прошло

³ Риталин – стимулирующее лекарственное средство, которое используется для лечения синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), запрещен к использованию в России.

полгода. Иоаким стал другим, более спокойным, но далеко не забитым и безразличным. Как и большинство родителей, они хотели только лучшего для своего ребенка. Хотя бывают и исключения, возможно, мальчик в могиле был жертвой именно такого родителя. Судмедэксперт сделал абсолютно четкое заключение: избиение с особой жестокостью. Рино пообщался с ленсманом в Лекнесе, и тот рассказал, что ни из одного муниципалитета на Лофотенских островах заявлений о пропавших детях не поступало. Объяснить это можно по-разному: с одной стороны, останки могли быть очень старыми, а с другой – реестры могли вестись очень небрежно. Еще один вариант – парень был не из этих мест, тогда раскрытие дела казалось, в общем-то, невозможным. Рино посмотрел на часы. Через пятнадцать минут уходит паром. Вообще-то он хотел, чтобы Фалк поехал с ним, но готовящийся к пенсии полицейский оказался еще более странным и безразличным, чем ему рассказывали, так что инспектор пока не решил, как именно выстраивать с ним взаимоотношения.

По дороге он заехал на бензоколонку и по старой привычке надел свою обворожительную улыбку, когда заметил, что за прилавком стояла женщина.

– Три Б, пожалуйста, – сказал он, встретившись взглядом с продавщицей.

– Что?

– Банан, булочки и бекон обжаренный, – последний пункт заказа Рино придумал только для того, чтобы поддержать

шутку.

– Ах так! – румянец залил круглые щечки продавщицы. – Ну и, наверное, бензин, чтобы стало четыре Б?

– Именно! – сказал Рино и сделал из ладони пистолет.

– Только что переехали? – продавщица ловко укладывала покупки в пакет.

– Да, решил на несколько месяцев заделаться лофотенцем. Точнее, до февраля.

Передавая ему пакет, женщина – ей было лет тридцать пять – до ушей залилась краской.

Через несколько минут он ступил на старый причал, где пахло морской солью и водорослями, а еще смоляной пропиткой. Только отполированный морем настил и заржавевшие перила напоминали о славных днях этого места.

Паром оказался совсем не тем древним деревянным суденышком, какое представлял себе Рино, и, к его величайшему удивлению, он был единственным пассажиром.

– Холодает, – шкипер Улав Рист выглядел загорелым, хотя лето в Северной Норвегии не такое уж и длинное, а солнце в последний раз выглядывало много недель назад. Температура теперь будет только падать, – добавил он, отвязывая канат. – Новенький?

Рино кивнул. Вряд ли кто-то из местных не замечал, что Фалк в последнее время слегка не в себе, так что составить выводы было несложно.

– Дело о скелете? – Рист криво усмехнулся, понимая, что Рино вряд ли собирается болтать о находке, в последнее время занимавшей умы жителей всех окрестных деревень.

Рино еще раз кивнул, поднял воротник куртки и сел на палубе. Судно медленно выходило из бухты в форме подковы, Рейне на одной стороне, Марка и Боллхауген – на другой, Рейнехалсен на самом изгибе. Очень скоро они миновали первый из мостов, соединяющих Рейне с материком, повернули налево, и перед ними предстал фьорд. Осенний воздух стал более колючим, как только судно набрало скорость, но после того, как они взяли курс на фьорд, похожий по форме на кеглю, Рино позабыл, что замерз. Платформы, которые когда-то сформировали дикие и прекрасные горы, явно двигались с большим рвением. А после того, как вершины избавились от остатков ледникового периода, в местности вряд ли можно было отыскать более отвесные скалы. На половине дороги Рино решил погреться; поднявшись, он провел рукой по борту гребной лодки, которая лежала на боку, подпертая какой-то палкой.

– Мое изобретение, – Рист высунул голову из окна рубки. – Между прочим, мне тогда было всего двадцать лет. Согласитесь, гениально!

Рино не видел абсолютно ничего гениального.

– Бочки за вами, – Рист кивнул головой, – работают как спасательные шлюпки. Простейшая мысль, но, когда в беду попадешь, легко растеряться и напугаться. Бочки легко от-

вязать. Вот эта, — снова кивок головой, — может дрейфовать свободно, ничего делать не нужно. Легким нажатием открываем крюк, а дальше дело за силой выталкивания.

Возможно, в этом и было нечто гениальное, и Рино подумал, что в случае крушения он просто вцепился бы в одну из бочек.

Через несколько минут судно направилось в Киркефьорд, который с обеих сторон клином сжимали горы. Очень скоро они миновали пять-шесть домов, у каждого была своя пристань. Рино подумал, что раз уж были созданы такие пристани, то соседи вряд ли плотно общались. В конце фьорда их встречала одинокая фигура.

— Единственный постоянный житель, — Рист вздохнул. Возможно, он сожалел, что его привычный образ жизни постепенно разрушается.

— Но ведь не во всем фьорде?

— Один здесь, один в Вестланде.

Мужчина стоял, заложив руки за спину, и следил за ними. Главное событие дня, — подумал Рино, когда судно преодолело последние метры до причала. Рист вышел на палубу и выдавил из себя несколько вежливых фраз, а затем попрощался, подняв руку. Мужчина, на вид лет семидесяти, стоял неподвижно. Тонкие волосы развевались на ветру, и Рино невольно подумал, что бедняге, одетому лишь в хлопковую рубашку и джинсы на несколько размеров больше, должно быть ужасно холодно.

– Я обязан следовать маршруту, – сказал Рист, выходя из рубки. – Хотя это совершенно бессмысленно.

Горный хребет разделял два фьорда, и скоро судно отправилось в сторону Винстада. Последние метры пути Рино провёл на палубе, разглядывал груды земли и камней. Где-то тут в разломе пролежал все это время мальчик. Позабытый всеми до тех пор, пока не вмешались силы природы.

– Что вы хотите найти? Фалк сюда уже трижды наведывался, – Рист достал щепотку табака из кожаного мешочка и скрутил папиросу. Так как туристический сезон был закончен, шкипер предложил подождать своего единственного пассажира.

– Предчувствие.

Спустившись на берег, Рино почувствовал, как переносится на машине времени на пятьдесят лет назад. В лучшие годы здесь проживало около ста человек, но сейчас сложно было поверить, что в Винстаде когда-то действительно кипела жизнь. То там, то сям виднелись домики, но не более того.

Когда он осторожно спускался к месту разлома, ветер дул ему в лицо. Он миновал здание – судя по всему, старую школу – и пошел дальше по грунтовой дороге, которая не заросла полностью только благодаря активным летним туристам. Пустые окна покосившихся от ветра домов смотрели на него, в них отражались горы и небо. А ведь однажды, наверное, в них отразился и тот, кто отправил на тот свет бедного мальчика.

Место, где нашли останки, было обозначено металлическим шестом. Ближайший дом находился неподалеку. Достаточно близко, чтобы слышать стук лопаты о землю. Он подумал, что нужно спросить Фалка, кто жил в этом доме и были ли у них дети. Это ведь самый простой вариант. Он поднял взгляд на гору за домом, на нагромождение острых грубых камней. Валуны, вызвавшие оползень, по всей видимости, были крупными, очень крупными, и вгрызлись вглубь склона на несколько метров. Теперь они навеки почили где-то на глубине фьорда. Но на своем пути они вытащили на свет божий ужасное преступление, как будто еще при сотворении Земли было предрешиено, что все тайное когда-либо станет явным.

Горы тому свидетели.

Через полчаса, когда Рино вернулся, Рист сидел на палубе и курил. По его позе было понятно, что у него бездна свободного времени.

– Вы будете заходить в Киркефьорд на обратном пути?

– Осмунд Микальсен с ума сойдет. Мой маршрут – его часы.

– Было бы неплохо перекинуться с ним парой слов.

– Можно было и раньше с ним поговорить.

– Извините. Мне только что пришло это в голову.

Рист одобрительно улыбнулся.

– Включу это в счет.

Через четверть часа Рино подошел к маленькому, выкрашенному в серый домишке, на который указал Рист. На первый взгляд дом казался заброшенным. Калитка заржавела и покосилась, а садик у дома слился с заросшими окрестностями. Старик склонился над точильным камнем на заднем дворе. Он был все так же одет в хлопковую рубашку, хотя ветер значительно усилился. Заметив Рино, он вздрогнул и озадаченно посмотрел на паром.

– Можно с вами поговорить?

– О чем?

– Скелет из Винстада, – Рино решил сразу же перейти к делу, рассудив, что полицейская форма говорит сама за себя.

– Ничего об этом не знаю, – Микальсен беззвучно сплюнул.

– Останки принадлежат мальчику.

Старик посмотрел ему прямо в глаза.

– Слышал.

– Здесь, во фьорде, деревни маленькие.

– Мне уже много лет. – Микальсен, по рукам и лицу которого ясно было, что всю свою жизнь он проработал в море, почесал заросший щетиной подбородок, – но с головой у меня все в полном порядке.

– Мне кажется странным, что о пропаже мальчика никто не сообщил. Конечно, возможно, он был неместный, но все-таки. Если кто-то здесь, во фьорде, исчезнет, это ведь сразу заметят.

Старик воткнул нож в рамку точильного камня.

– У Винстада свои секреты, но скелет.

– Не похоже на них, да?

Микальсен покачал головой.

– Был там один мальчик, – сказал он, присев на сломанный стул, прислоненный к стене. – Он утонул. Ему было лет четырнадцать или пятнадцать. Это было давно, полжизни назад, ну, конечно, если вы пожили с мое.

Он снова сплюнул.

– Бедный парень не умел плавать. Калека. Ну, он не единственный, кто закончил свою жизнь во фьорде.

– Что случилось?

– Боюсь, мы никогда этого не узнаем.

Глава 11

Он очнулся от приступа рвоты. Сразу же вспомнил, где находится и что случилось. Они занесли его в палату и разместили на кровати. Он заметил, что среди них была Йориль, она плакала. Видимо, оплакивала ту жизнь, которую он вынужден был вести, те возможности, которых он лишен. Например, возможность общаться с внешним миром. Он слышал, как она говорила: «Я бы с радостью ему помогла. Если бы понимала его».

Ему удалось уловить лишь обрывки разговора медсестер, но по их словам он понял, что ему удалось лишь включить компьютер, но не зайти в систему. Слабое утешение в минуту поражения. Он вытащил свой единственный козырь и проиграл.

Прошло, наверное, около получаса, как дверь открылась, и он снова почувствовал этот запах. Дьявол вернулась и смотрела на него. Она, конечно, слышала о его попытке воспользоваться компьютером и уж точно была не такой наивной, как Йориль. Дьявол все поняла. Из коридора донесся чей-то голос. Это была заведующая пансионатом, она встречала его при переводе из больницы. После этого регулярно его навещала, говорила какие-то общие приветственные фразы. Но и она не сочувствовала ему так, как Йориль. За-

ведущая была женщиной холодной, но в данный момент он очень обрадовался, услышав ее гнусавый голос. Она обратилась к Дьяволу и, явно сдерживаясь изо всех сил, отчитала ее. Одной из медсестер нужна была помощь, заведующая просила Дьявола срочно пройти в ту палату. Затем она поспешила дальше, но Дьявол не двинулась с места. Видимо, пыталась понять, успеет ли влить в него каплю-другую яда.

– Спишь? – прошептала она от двери.

Он изо всех сил притворился, что спит.

– Да ну.

Она видела его насквозь.

– Хотела просто сообщить тебе, что мы немного поменяли график. Я специально попросила, чтобы меня отрядили дежурить у тебя – здорово, правда? Нам действительно нужно лучше следить за тобой. То, что произошло сегодня вечером... больше никогда не повторится.

Он сглотнул.

– И зачем тебе нужен был компьютер?

Шаги по линолеуму, а затем хруст – она наступила на кокетливую соломинку.

– Спи, Герой, теперь уж я с тебя глаз не спущу.

Он заснул. И поэтому не смог понять, сколько прошло времени до тех пор, как очередная капля кислоты попала в глотку. Может быть, десять минут. А может быть, несколько часов. От шока он резко проснулся. Такой боли он еще ни-

когда, ни разу в жизни не испытывал.

Глава 12

– Мне тогда было чуть за двадцать, и я на время переехал в Сволвер. Сволвер в то время активно развивался, а я не хотел быть рыбаком, как мой отец. Как же мы иногда ошибаемся.

Осмунд Микальсен мечтательно взглянул на светло-серое небо.

– Это случилось в один из осенних штормов, как с большинством затонувших кораблей и утопленников здесь, в Москенесе. С погодой у нас не шутят, море много дает, и забирает не меньше, – старик вздрогнул. – В выходные я обычно сидел дома. Ну а эти стали особенными. Калека. Мы все жалели беднягу.

– Что с ним было?

– Я помню только, что его повсюду возили в коляске. Он жил с отцом и братом. Мать я не припомню. Думаю, она умерла, когда мальчики были еще крохами. Старший жил за двоих, по крайней мере в том, что касается хулиганства. Он был местной знаменитостью, крал как хитрый лис, лаялся со всеми, ну и всякое такое. Как и отец в его годы. Отец был, – Микальсен замер, – беспробудный пьяница, ни больше ни меньше. Не мог удержаться ни на одной работе, человек, на которого в рыболовный сезон и положиться было нельзя. Многие из нас из-за него лишились заказов.

Старик покачал головой, чтобы подчеркнуть, что достиг кульминации рассказа.

– Ходили слухи, будто он избивает мальчишек, и калеку тоже. Злые языки даже поговаривали, что парень стал таким именно из-за издевательств отца. Так это или нет, я не знаю.

Рино понял, что трагедия оставила след в душе рыбака.

– Но это неважно, парень погиб в ту осеннюю ночь, разделив свою судьбу с отцом, которого нашли на следующее утро под обрывом скалы. Может, и кстати, что он тогда подох. Многие хотели свести с ним счеты.

– А второй брат?

– Да, да, – Микальсен наморщил красноватый нос. – Я не все хорошо помню, столько лет прошло. Но мне кажется, этот дикарь сбежал незадолго до смерти отца и брата. Но уж в чем я уверен, так это в том, что в ту ночь его брат утонул.

– Как это произошло?

– Точно никто не знает, но фьорд бездонный. Тех, кто тонет, никогда не находят. Никогда, – старик взглянул на пристань. – Знаете, я рыбачу уже больше сорока лет, выхожу в море почти в любую погоду, тонуть, неправда, что так умирать не больно. Неправда. Зимой вода в море не больше трех-четырех градусов. Можно пытаться глотать ее до потери сознания. Успеешь понять, что больно. Нет уж, я хочу умереть, чувствуя твердую землю под ногами. Неважно, как именно, но только не там.

Легкая тень пробежала по высушенному непогодой лицу.

– Слышали сагу об Утрёсте?

Рино не скрывал скуки.

– Остров к западу от Рёста, затонул много тысячелетий назад, он всплывает, когда кто-то терпит бедствие.

– Так тот мальчик, – у Рино не было ни времени, ни желания слушать старую сказку. – Он утонул?

Лишь на мгновение на лице Микальсена промелькнула обида, но потом он кивнул.

– Я нечасто бывал в Винстаде в то время, но помню инвалидную коляску. Она страшно дребезжала. Парень сидел на крыльце дома или на пристани. В те времена жизнь на фьорде была другая, и именно на пристани все и случилось. Он сидел там, колени укутаны пледом, худое бледное создание, – Микальсен снова взглянул на море, как будто оглядывался на побежденного врага, будучи не вполне уверенным, что соперник не восстанет с новыми силами. – В тот вечер бушевал шторм, на фьорде потом еще несколько дней белая пена была. Взбудораженное море бурлит долго, – Микальсен почесал спину, – на следующее утро нашли коляску. Вы же там только что были, так?

Рино кивнул.

– Ну тогда сами знаете. У берега глубина пара метров, не больше, а вот в открытом море в два раза глубже.

Она лежала там, прямо у одного из столбов. Парень скатился с причала и утонул.

Микальсен встал и посмотрел на горы.

– Конечно, поползли слухи. Мол, отец утопил сына, а потом покончил с собой. Другие говорили, что это брат вернулся, чтобы расправиться с обоими. Я не знаю, но если парень утонул не сам, то я скорее скажу, что это сделал отец. Бить своего собственного сына, особенно калеку, ну кем надо быть?

– Сумасшедшим.

– Я скажу – чудовищем.

– Когда это случилось?

– В шестьдесят третьем. Тысяча девятьсот шестьдесят третьем.

– Мальчику было около четырнадцати?

– Да, что-то типа того.

– Вы рассказывали об этом Фалку? – Рино подразумевал, что его коллега уже поговорил с единственным обитателем Киркефьорда.

– Он был здесь, да. Спрашивал о скелете.

– И вы рассказали об утонувшем мальчике?

– Да мне не нужно было ничего рассказывать. Фалк учился с ним в одной школе.

Глава 13

Еще в начальной школе мама говорила ему, что он должен бросить вызов своему страху. Потому что, только взглянув ему прямо в глаза, он сможет победить. У него никогда не хватало духа последовать ее совету. Челюсти и горло сводило только от одной мысли. Вместо этого он боялся, делал все возможное, чтобы избегать своего мучителя, а позже и ситуаций, напоминающих о нем.

Побег длиною в жизнь.

Он и сегодня чувствовал то облегчение, которое наступило в последний школьный день. Никто больше не будет над ним смеяться, никто не будет заставлять его читать вслух, пока класс катается по полу от смеха. Свободен! Возможно, радость была недолгой, но тот момент в его жизни казался высшей точкой счастья. Он поступил на работу на одну из рыбных фабрик, но и там ему пришлось осознать, что ему никогда полностью не избавиться от мучений. Заикание навсегда лишило его возможности жить полноценной жизнью.

С годами он мастерски освоил обходные маневры и лишь изредка натыкался на кого-то, кто вновь заставлял его испытывать страх. Страх, который вырос на почве его ущербности. С тех пор, как ему исполнилось девять лет, он почти ни с кем не разговаривал, лишь изредка произнося отрывистые слова. Только с мамой. Когда он говорил с ней, звуки сли-

вались в слова плавно, без сопротивления, даже без намека на сопротивление. Ты должен противостоять своему страху. Все эти годы она постоянно повторяла ему это, никогда не переставая надеяться, что сын обретет свободу. Теперь ему уже было за шестьдесят. Она была очень спокойной. Он открыл дверь в ее спальню, почувствовал, как ее запах проникает в ноздри. Она отрешенно смотрела на него.

– Сегодня я это сделаю, – сказал он. – Сегодня я противостоя своему страху.

Ему показалось, он уловил улыбку, пусть легкую и отстраненную.

– Сегодня я встречусь с ним лицом к лицу.

Глава 14

– Да, я учился здесь в школе. А потом перешел в старшую школу в Рейне.

Фалк сидел на узкой металлической лестнице возле входной двери. На большинстве ступенек стояли миски с засохшим кошачьим кормом.

– Теперь в Винстаде нет школы. Да и здесь, – Фалк махнул рукой, – культура победила. Школа стала культурным центром, как будто выставка или литературный фестиваль важнее, чем базовое образование.

– А что с учениками?

– Переведены в школу в Сёрвогене.

Сёрвоген – ближайшая деревушка к облюбованному туристами местечку, знаменитому более своим именем, чем идиллическими пейзажами.

– Но вы все-таки выросли здесь, в Винстаде?

Фалк покачал головой.

– В Теннесе, деревушке на той стороне пролива. По прямой совсем недалеко, но добраться без лодки невозможно.

– Когда вы переехали в Рейне?

– Когда пошел там в школу. Мне было около тринадцати.

– Вы переехали, когда утонул мальчик в инвалидной коляске? – Рино уже рассказал напарнику о разговоре с Осмундом Микальсеном.

Фалк взглянул на него ничего не выражающим взглядом.

– Думаю, да.

– Вы помните, что произошло?

– Помню, мои родители говорили об этом.

– Старший мальчик пропал незадолго до того скорбного осеннего дня.

– Пропал...

– Странно, что об этом никто не заявил.

– Время было другое.

– Вы помните мальчиков?

Фалк опустил взгляд.

– Плохо.

– По словам Осмунда Микальсена, отец был с ними жесток и доставалось обоим.

Фалк сжал кулаки.

– И ведь наверняка издевательства были гораздо хуже, чем об этом знали окружающие, – продолжил Рино.

– Что вы хотите сказать?

– Это исчезновение. Возможно, вы нашли именно пропавшего брата. А может быть, второго. Но история о двух братьях – это все, что у нас есть. И так как вы ходили с ними в одну школу, я надеялся, вы сможете что-то вспомнить.

– Это было почти пятьдесят лет назад.

– Да.

Видно было, что мысли Фалка бродили где-то далеко.

– В школе должны были остаться архивы, может быть, да-

же фотографии. Думаю, мы можем начать оттуда. Школа в Винстаде. как вы думаете, бумаги могли остаться там?

Фалк встал и отодвинул одну из мисок.

– Школу закрыли в восьмидесятые, насколько я помню.

Учеников перевели в Рейне.

– А потом уже в Сёрвоген?

Фалк кивнул.

– А архив?

– Думаю, книги и бумаги сначала перевезли сюда, в Рейне.

– А потом, наверное, переслали в Сёрвоген?

– Наверное.

– Кто-то должен знать точно.

Фалк поманил тощего кота, который осторожно выглядывал из-за куста.

– Хальвард Тофтен долгое время был здесь директором. Он наверняка знает.

– И он жив и здоров?

– Не знаю, насколько крепко его здоровье, но он жив.

– Покажете дорогу?

Фалк помолчал.

– Это самое малое, что я могу для вас сделать.

– Кстати, – Рино остановился посреди лестницы, – прямо возле разлома стоит дом, кто там жил?

– Вдова, нелюдима и нервная. Имени я не помню.

– У нее были дети?

Фалк покачал головой.

– Она овдовела через несколько дней после замужества. Чертову фьорду понадобились жертвы. И она осталась бездетной.

Через пять минут Рино уже парковался возле ухоженного дома, построенного в пятидесятые. Его удивило, что Фалк не задавал больше вопросов о мальчиках, лишь абсолютно безучастно показал дорогу к дому бывшего директора школы. Депрессия просачивалась сквозь жесты и взгляды, опасения ленсмана все больше и больше оправдывались.

Дверь открыла жена Тофтена. Она сказала, что супруг подвязывает розы на заднем дворе. Они обнаружили его между двумя кустами. Согнувшись в три погибели, он отрезал длинную веревку. Увидев направляющихся к нему мужчин, он выпрямился, кивком поприветствовал Фалка и слегка неуверенно подал руку Рино.

– Мне сказали, что вы много лет были директором школы, – сказал Рино, представившись.

– Слишком долго, как казалось некоторым родителям, – Тофтен соорудил серьезную мину, возможно, чтобы подчеркнуть, что он был директором старой закалки.

– Я ищу сведения о мальчиках из Винстада, может быть, архивы перевезли сюда, когда школу в деревне закрыли? Тофтен взглянул на Фалка, накручивая веревку на катушку.

– Школу в Винстаде закрыли в 1982-м. И да, все архивы перевезли сюда.

– И они все еще здесь? – с надеждой спросил Рино.

– Вам везет. Администрация муниципалитета несколько лет назад решила закрыть здесь школу. Но жизнь в Рейне продолжается. Туризм растет, новые дома появляются на каждом мысе. Сейчас особенно активно стараются возвращать молодежь. Но вот школы для них здесь нет, понимай, как хочешь, – директор покачал головой. – Безумие.

Рино ждал продолжения, пока Тофтен проверял, хорошо ли веревка держала розовый куст.

– Когда школу закрыли, сначала хотели, чтобы архивы хранились в управлении муниципалитета. Но там было забито. Последнее, что я помню, шли разговоры, чтобы перевести все необходимые документы в дальний архив, но, кажется, до дела так и не дошло. Бумаги лежат там, куда их положили. Честно говоря, это абсолютное безобразие, но я перестал переживать о том, что не могу изменить.

– С кем можно поговорить, чтобы попасть туда?

– А вы еще не поняли, что там проходной двор? Выставка там, выставка сям, – Тофтен раздраженно махнул рукой. – Как вы думаете, кто позаботился о том, чтобы собрать все ключи в тот день, когда школу закрыли навсегда?

– Вы? – попытал удачу Рино.

– Никто. Сегодня никто ни за что не отвечает. Я уже двенадцать лет не директор, а вот ключи у меня есть. Входную дверь, правда, поменяли, но замок от подвала все тот же.

– А вы могли бы меня туда пустить?

Тофтен внимательно изучал мужчину, стоявшего перед ним.

– Прямо сейчас?

– Пожалуй, да.

– Знаете, я мог бы прямо сейчас пройти несколько метров до школы, зайти внутрь, проникнуть в подвал, и никто бровью бы не повел, но я все-таки человек порядочный. Я не буду ничего открывать без разрешения.

– Чьего?

Тофтен пожал плечами.

– Такие решения принимает директор.

– А мы можем ему позвонить?

– Ей. А мы – это значит я?

– Если это не слишком вас затруднит.

– На вас полицейская форма, и вы проявляете столько усердия. Я в состоянии сделать выводы. Но я такой старый человек, что пользуюсь только домашним телефоном, так что мне нужно зайти в дом, чтобы позвонить.

Через пять минут Тофтен вернулся.

– Вы так и будете там стоять как вкопанные?

Здание школы состояло из новой и старой частей, современная пристройка хорошо подходила к классическому двухэтажному строению.

– Ты здесь учился, Бергер? – спросил Тофтен, спускаясь в подвал.

Фалк внимательно разглядывал стены и потолок.

– В старшей школе.

Винтовая лестница поскрипывала под их шагами, некоторые ступеньки немного проседали.

– Как же тут грязно, – простонал Тофтен, и Рино почувствовал, как что-то шуршит под ногами.

– Как же я не подумал! – Тофтен дергал выключатель, но лампочка над головой так и не зажигалась. – Видимо, такая же разруха и в самом подвале.

С легким сопротивлением дверь поддалась. Тофтен вслепую пошарил по стене, и вдруг подвал осветился мягким желтым светом.

– Парадокс, вам не кажется? Здесь стоят коробки с папками, заполненными четким каллиграфическим почерком, а новому поколению наплевать на аккуратность: все выброшено и забыто, – Тофтен, близоруко щурясь, водил пальцем по корешкам папок. – Винстад внезапно стал популярен, как я понимаю.

Продолжение повисло в воздухе, и полицейские поняли, что бывший директор прекрасно понял, в чем цель их визита.

– Вот они. Здесь несколько архивов. Вас какой-то конкретный год интересует?

Рино, весь в пыли, переглянулся с Фалком.

– Середина пятидесятых или около того.

Какое-то время Тофтен перелистывал папку в тишине и

вдруг замер и пригляделся.

– А вот и ты, Бергер. Выпуск 1957-го. Вас было всего пятеро в классе?

Фалк был слегка удивлен.

– Кажется, да.

– Я ищу информацию о мальчиках, которые поступили в школу на год или два раньше. Один был прикован к инвалидной коляске.

Тофтен поднял глаза от папки.

– Случается, что кто-то из учеников навсегда остается в твоей памяти, как и в системе. Именно таким был и мальчик в коляске, наверное, из-за того, что он единственный инвалид, с которым я был лично знаком. Бедняга. Ему приходилось нелегко, это было очевидно с первого взгляда.

– Почему?

– Его ущербность была на виду, но дело не только в этом: он был глубоко несчастным. Многим в те времена приходилось довольствоваться малым, но все же совсем нищими были далеко не все. А эта семья как раз подходила под эту категорию. Помню, парень рос с отцом, пьяницей и дебоширом. Мать я не помню.

– А брата?

Тофтен остановился и посмотрел вверх.

– Да, у него был брат, но о нем я ничего не могу сказать.

Рино взглянул на Фалка, который все так же был не заинтересован в происходящем.

– Годом раньше, посмотрим. Семь учеников... Двое по фамилии Стрём. Руалы... кажется, именно так и звали того мальчика? Да, именно: Руаль Стрём.

– Мальчики были двойняшками, раз они ходили в один класс?

– Нет, двойняшек я бы запомнил. Что думаешь, Бергер? Фалк пожал плечами.

– Возможно, он год проболел, – Тофтен говорил уверенно.

– А как звали второго брата?

– Оддвар.

– Есть фотография мальчиков?

– Наверняка, только искать нужно в другом месте.

Неуверенными движениями Тофтен начал доставать папки с полок. Несколько раз он останавливался передохнуть, успокоить шатающиеся ноги, но было видно, что он увлекся поиском.

– Фотографии. Господи, как они пожелтели с годами! Конечно, лежать здесь в этой пыли. Смотри-ка, даже красавица Сёльви выглядит так, словно ей за пятьдесят.

Рино наклонился поближе, то же самое сделал Фалк, наконец проявив толику интереса.

– Это учителя. Я помню Сёльви. ангел во плоти. Ученики ее боготворили. Она была доброй и заботливой, редкость в те времена. Тогда учителя были строгими – я тоже. Но Сёльви относилась к ним, как мать. Если им хотелось с кем-то поделиться, они доверялись только ей. Ну хватит об этом,

посмотрим дальше. вот и ученики.

Тофтен листал фотографии медленно и внимательно.

– Вот он, – семеро детей осторожно улыбались фотографу, даже мальчик с левого края, сидящий в простом инвалидном кресле. – Руаль Стрём, да. Помню его.

Мальчик выглядел худым и нескладным, как и трое его одноклассников. Но в нем проглядывала особая хрупкость.

– Ходили слухи, что отец его избивал, – сказал Рино.

– Совершенно не удивлен.

– Но вы точно не знаете?

Тофтен покачал головой.

– Я никогда там не преподавал, а здесь они проучились очень недолго.

– А который из них второй брат?

Еще до того, как Фалк неуверенно указал пальцем на мальчика, стоявшего, уперев руки в боки, Рино заметил сходство. Этот парень излучал жесткость. Самопровозглашенный глава класса.

– Вспомнили его? – спросил Рино.

Фалк забрал бумаги и поднес их ближе к свету.

– Кресло, – прошептал он, слегка дрожащим голосом. – На правом подлокотнике.

Рино наклонился над фотографией. И увидел. К подлокотнику был привязан вязаный носок с пришитыми глазками и носиком.

Глава 15

Он с трудом отличал сон от бодрствования. Раньше, когда ему удавалось отвлечь мозг – во сне или в мечтах о том, как Дьявола раскроют, – тошнота и самая страшная боль проходили. Больше этого не случалось. Боль присутствовала постоянно, хуже того, она захватила новую территорию – помимо горла и легких распространилась на уши. Теперь, когда пансионат просыпался, звуки поступали к нему как будто из глубокой металлической трубы. Он понимал, что это значит: скоро он потеряет слух. Он так долго боролся, пытался быть сильным, что сейчас резко почувствовал себя слабее и беспомощнее, чем когда бы то ни было. Он стал плакать, лишенный глаз и слезных каналов, он плакал. Он знал, что жить ему осталось очень недолго, и против собственной воли смирился с этим. Но он не хотел умирать так, страдая до последней минуты и зная, что убийца останется безнаказанным. Внезапно он осознал, что кто-то стоит возле кровати. А ведь шума вентиляции он не слышит. Может быть, он уже не в состоянии его услышать?

– Уже утро.

От ее голоса у него подскочил пульс.

– Ты проспал целый день.

Целый день? Ему казалось, что он глаз не сомкнул.

– Надеюсь, ты хорошо себя чувствуешь. Ты заставил нас

поволноваться!

Он больше не мог выносить эту пытку.

– Кстати, к тебе пришли. С восьми часов ждет. Вы, видимо, старые знакомые, по крайней мере, так он написал на листочке.

Это мог быть только Йоар, но в такое совпадение было трудно поверить, к тому же зачем ему писать свое имя на листке?

– Не знаю уж, что выйдет из этой встречи, но, может, и неплохо будет повидаться. Пригласить его войти? Или хочешь сначала провести утренний туалет?

Он кивнул изо всех сил.

– Пригласить?

Он снова кивнул.

– Хорошо, но у вас будет всего десять минут на первый раз. Пусть лучше зайдет еще.

Он слышал ее голос в коридоре, затем дверь открылась. Судя по шуршанию вентиляции, ее открыли медленно, как будто входящий сомневался, стоит ли это делать. Он сначала обрадовался, что все еще мог различать, как открывалась и закрывалась дверь, но потом ему стало не по себе, что-то было не так. Йоар закричал бы в ужасе, увидев его в таком состоянии, стало быть, он понятия не имел, кто к нему пришел. Комнату заполонила отвратительная вонь. Пахло старостью, и гнилью, и еще чем-то, чего он не мог распознать. Звук неуверенных шагов, гость изучал его, подходя побли-

же. Больше всего на свете ему хотелось накрыться одеялом с головой, но что-то подсказывало, что Дьявол была права – посетитель его знает. Он слышал его дыхание, быстрое и неровное, слышал, как тот открыл рот, как язык шлепал по небу, затем последовали короткие вздохи – и он понял, что гость не мог произнести ни слова. Сначала он решил, что тот лишился дара речи, увидев, в каком он состоянии, но потом внезапно понял, почему слова так и не появились. И зачем посетитель к нему пришел. Заика. За опознанием всплыл самый темный глубокий ужас, и скоро стук его сердца заглушил звероподобные звуки, которые издавал гость. Рука зажала рот и нос, и до того, как остановился приток кислорода, он успел подумать, что рука пахнет чем-то кислым.

Глава 16

Когда телефон зазвонил, Рино как раз занимался исполнением первого пункта из списка тетушки: перевернув кухонный стол, он решил разобраться, почему тот качается.

– Че это ты там делаешь? – пометавшись между двумя тембрами, голос Иоакима все-таки успокоился и стал на октаву ниже.

– Ну, я тут.

– Ты стонешь, как свинья.

– Это потому, что я стою на коленях между двумя чертовыми ножками стола!

– Че?

– Пытаюсь починить кухонный стол.

– Ты? – Иоаким хорошо знал, что отец был абсолютно безруким в том, что казалось практического домашнего хозяйства.

– Что за.

– Дерьмо?

– Дерьмо, да. Этому столу сто лет в обед, и чего она не купит себе новый?!

– Может, именно поэтому.

– Да это не чертов антиквариат, а.

– Дерьмо?

Рино встал и стукнул ногой по столу.

– Да пошел он, стол этот. Как дела?

– Хорошо.

– По шкале от одного до десяти?

– Шесть.

– А чего не восемь?

– Потому что тебя тут нет.

– Окей, считай, я купился. Но я вернусь через неделю-другую. А может, ты приедешь?

– В Рейне?

Это прозвучало, как будто Рино находился на одной из планет соседней галактики.

– Ну, было бы странно приехать куда-то еще, если я пока здесь.

– А там есть чем заняться?

– Мы могли бы съездить на рыбалку.

– No, thanks⁴.

– Что-нибудь придумаем.

– Конечно. Знаешь что?

– А?

– У мамы кое-кто появился.

– Да ну.

Рино хотел, чтобы это прозвучало как самая естественная ситуация на свете, но все-таки почувствовал укол ревности.

– Он тебе не нравится? – спросил Рино, так как с другой стороны трубки никакого ответа не последовало.

⁴ Нет, спасибо (*англ.*).

– Да нет.

– Но.

– Новые правила.

– Приходится приспособливаться, – Рино почувствовал, что начинает заводиться.

– Она стала такой стервой.

– А он?

– Да нет, Рон прикольный.

– Рон?

– Да, он из Голландии.

– И ведь маме никогда не нравились мои деревянные башмаки.

– Че?

– Шучу.

– Отключусь. Сообщение пришло.

– Срочное?

– Ага. Рене. Перезвоню.

Разговор оставил неприятное послевкусие, Рино захотелось поехать на бензоколонку, чтобы свободно пофлиртовать с продавщицей, но он удержался. Вместо этого он взглянул на сабо, которые валялись прямо посреди пола. И ведь именно над этой обувью она много лет посмеивалась. А теперь, значит, у нее голландец. Ирония судьбы, мать ее.

Рино вполсилы попытался исполнить еще несколько пунктов из тетушкиного списка, но добился лишь того, что

разозлился еще больше. Мысли постоянно возвращались к больному мальчику, и в первую очередь к вопросу о том, почему же его братец решил навсегда исчезнуть из семьи за несколько недель до трагических событий. Загадкой оставалось и то, почему никто не сообщил в полицию о его исчезновении. Рино пометил себе, что нужно обязательно спросить у Фалка, не переезжало ли управление полиции. При переезде, возможно, бумаги просто потерялись.

Первая мысль, которая возникла у инспектора, когда он услышал историю этой семьи, была, конечно, что тот самый отморозок вернулся в Винстад и лишил жизни брата и отца. И ведь если эта мысль пришла в голову через пятьдесят лет ему, то наверняка в те времена должны были ходить слухи. Удивительно, что Фалк, живший совсем рядом с местом событий, едва их вспомнил! Особенно учитывая, что он все-таки стал полицейским в этом самом районе.

Фалк.

Сначала Рино подумал, что безразличие коллеги объясняется усталостью от жизни отшельника-полицейского и что он считал дни, когда наконец пополнит ряды пенсионеров. Но сейчас он был вынужден признать, что ситуация гораздо сложнее, потому что Фалк не просто погружен в себя, он выглядит отстраненным и явно подавленным. Что-то его тяготит.

Очень сильно.

Благодаря фотографии в школьном альбоме они смогли

установить личность мальчика, найденного в могиле. Очевидно, коляску выбросили в море, чтобы сбить полицию со следа, а само тело убийца закопал там, где, как ему казалось, его никогда никто не найдет. То, что на упокой вместе с ребенком оправили и его домашнюю игрушку, возможно, говорило о некоем раскаянии, которое почувствовал преступник.

Носок, привязанный к ручке кресла, прочно засел в память Рино. Иоаким давно вырос из мягких игрушек, но и у него были какие-то вещи-утешители. И несмотря на то, что иногда парень испытывал терпение родителей, Рино ни разу не поднял на него руку. Иоаким все еще оставался ребенком. И хотя дело об останках можно было считать раскрытым, Рино знал, что ему нужно составить полное представление об этой несчастной семье и надеяться, что что-нибудь наведет его на причину, по которой кто-то мог совершить такое чудовищное преступление. Оставить все так было бы, прямо сказать, предательством мальчика.

Тяжелые тучи напоззли с моря и на время стерли из вида крутые горные махины. Без неба и без открытого моря казалось, что поселение съежилось, Рейне превратился в крошечный кармашек, пристроченный к краешку Лофотенских островов. Все дикое и загадочное исчезло, и Рино, спускаясь к пансионату, вспомнил, что идет по вымирающей рыболовецкой деревушке. Прежде чем войти, он взглянул на свое

отражение в одном из окон и решил, что ему пора бы исследовать местный рынок парикмахерских услуг. Его прическа, промокая от морозящего дождя, с трудом напоминала привычный маллет⁵.

Он пришел сюда не для того, чтобы навестить тетюшку, но прекрасно понимал, что избежать этого не удастся. Поэтому сначала решил покончить с обязательной частью программы. Он услышал ее голос еще до того, как ему показали, как пройти в гостиную. Она сидела в углу, окруженная дряхлыми товарками, и, как понял Рино, их поддерживающие разговор кивки скорее объяснялись проблемами с нервной системой, чем согласием с ее высказываниями. Он подождал, пока она заметит его, и в этот самый момент свита перестала для нее существовать.

– О, Рино, как приятно! – сказала она, пристально разглядывая его руки.

– Зашел поздороваться.

– Как тебе дом? – она не сводила взгляда с его рук.

– Отлично, – соврал он.

– Ты тщательно моешь руки, – она ехидно подморгнула ему. – Пятен краски не видно, – добавила она, поняв, что он не уловил ее мысль.

– Нееееет. – он зачем-то тоже оглядел свои руки.

– Я подумала, что ты уже покрасил коридор.

⁵ Маллет (англ. *mullet* – кефаль) – тип прически (стрижки). Волосы пострижены коротко спереди и по бокам, а сзади остаются длинными.

Рино вспомнил. Покраска коридора была первым пунктом списка.

– Я ведь только что заехал, – извиняющимся тоном пояснил он. – Но я починил кухонный стол. Думаю, теперь с ним все будет в порядке.

– Ооо, как здорово! – она по-королевски величественно всплеснула руками. – Весной я вернусь домой.

Но скоро приеду тебя навестить. Так интересно посмотреть, как все изменилось!

Рино осознал, что заключил договор с сатаной.

– Дай мне немного времени, – сказал он и подумал, что ему как можно скорее нужно нанять кого-нибудь рукастого.

– Главное, закончить к Рождеству, – она дружелюбно улыбнулась товаркам, те безразлично посмотрели на нее.

– Мне нужно поговорить с заведующей, – сказал Рино и огляделся. Он насчитал восемь постояльцев, за исключением одного всем им было за восемьдесят.

– Зачем она тебе? – напрямую спросила тетка.

– По работе, – Рино постарался улыбнуться, но не смог выдать улыбку.

– Мой племянник полицейский, – в этот раз тетка обратилась ко всем обитателям гостиной, хотя реакции при этом также не последовало.

Наиболее сообразительные из постояльцев уже давно приметили его форму.

– Ее зовут Ингрид Эйде, – сказала тетка.

– У нее же есть какой-нибудь кабинет?

– Да, дальше по коридору.

– Попробую ее найти.

– Уже уходишь?

– Я лишь заскочил на минутку. Навещу тебя по-настоящему в следующий раз.

– Заскочил. – тетушка хвастливо взглянула на сидящую рядом женщину, как будто краткий визит, которым ее одарили, был большой редкостью в этом доме.

Рино поспешил вырваться, пока тетушка не нашла новую тему для разговора, и направился в коридор. Медсестра, приветливо улыбаясь, показала ему, как найти кабинет заведующей.

Женщине, которая встала из-за стола и подошла поприветствовать его, было слегка за пятьдесят. Своим крепким телосложением она напоминала восточноевропейскую метательницу ядра. Рука, которую она протянула для рукопожатия, по размеру не уступала руке Рино. Представившись и ответив на обязательные вежливые вопросы о том, как ему нравится в Рейне, инспектор перешел к делу.

– Я ищу сведения о человеке, который умер около пятидесяти лет назад.

– Ой. Для меня это далековато.

– Я подумал, что, возможно, кто-нибудь из ваших постельцев его знал.

– А как его звали?

– Мужчину звали Стрём, он жил в Винстаде. Он упал со скалы в одну из штормовых ночей в 1963 году.

Женщина – она казалась твердой и строгой, как и полагается заведующей подобным заведением, наморщила лоб.

– Так, кто бы мог вам помочь? Единственный житель Рейнефьорда у нас – Карстен Круг, но он жил в Киркефьорде. Это деревня на другой стороне фьорда.

– Надо в любом случае попробовать.

– Единственная проблема, – заведующая закусилла нижнюю губу, – Карстен не совсем в себе, я бы так сказала. Не так уж просто жить, когда тебе за девяносто.

– Но он вменяемый?

– Он периодически уходит в свой мир, но да, мы считаем его дееспособным.

– Могу я с ним переговорить?

– Конечно, мы не имеем ничего против.

Заведующая постаралась улыбнуться, явно давая понять, что все, чего бы они хотели, это чтобы Рино оставил старика в покое.

– Но я бы на вашем месте не ждала многого от этого разговора. Либо он ничего не вспомнит, либо вспомнит то, чего никогда и не было.

– Богатое воображение?

– Бывает по-всякому, знаете ли. Я бы, в любом случае, не очень доверяла тому, что он рассказывает. У нас тут ходит много разных легенд.

Рино представил свою тетюшку и не мог не согласиться с заведующей.

– Буду иметь это в виду, – сказал он.

Заведующая проводила его в одну из палат, на двери которой висела написанная от руки табличка с именем ее обитателя. Постоянных табличек не было. Очевидно, постояльцы менялись довольно часто. Карстен Круг сидел в старом кресле. Видимо, мебель перевезли сюда вместе с обитателем палаты. В свои лучшие годы Круг, очевидно, весил около девяноста килограммов, но сейчас в нем было не больше шестидесяти. Руки толщиной не превышали колбаску для жарки, рубашка висела на теле, как плащ-палатка. Заведующая прошептала что-то на ухо старику, Круг вытянул шею и посмотрел на посетителя. Она ласково провела рукой по щеке мужчины, поправила ему рубашку и вышла из палаты.

Рино протянул руку для приветствия, Круг ответил слабым пожатием. Взгляд отрешенный и невидящий, рот приоткрыт.

– Вы жили в Киркефьорде? – спросил Рино, присаживаясь в другое кресло.

Круг поклонился.

– И выросли там, да?

Снова поклон, свидетельствующий о глубоком уважении к авторитету властей.

Рино снял куртку, надеясь, что так будет не видно полицейского значка.

– Вы помните Стрёма из Винстада?

Лицо по-прежнему ничего не выражало.

– У него было два сына. Один на инвалидной коляске.

Старик медленно кивнул, но Рино был не совсем уверен, значило ли это, что тот его понял.

– Он упал со скалы и разбился.

Снова кивок.

– Вы помните этого мужчину?

Несколько секунд старик молчал, потом облизал кончиком языка пересохшие губы.

– Стрём?

Голос был хриплым. Очевидно, после осенней простуды в легком и горле еще скапливалась мокрота.

– Да, Стрём.

– Да.

Это прозвучало вполне убедительно, Рино ждал продолжения.

– Вы его родственник?

– Нет, – Рино улыбнулся. Круг явно не собирался противодействовать представителю закона.

– Его у нас все знали.

– Да, я уже понял.

– Алкоголь, – Круг наморщил нос, как будто вспомнив запах плохого самогона. – И драки. Где бы ни была вечеринка, он обязательно там всплывал и устраивал побоище.

– У него было два сына, – Рино попытался направить раз-

говор в нужное ему русло.

Старик отрешенно смотрел в потолок. Возможно, перед его глазами все еще стояли картинки деревенских праздников прошлого.

– Вы их помните? Один был болен, сидел в инвалидном кресле.

– Кресло, да. Помню.

– Его звали Руаль.

– Руалы...

– А его брата – Оддвар. Около года разницы.

– Боа?

– Оддвар, – Рино попробовал снова.

– Если мы говорим о сыне Элдара Стрёма, все звали его Боа.

– Как мне рассказывали, тот еще сорванец?

Крог перевел на инспектора заинтересованный взгляд.

– Боа был подонком.

– Вы его помните?

Старик кивнул.

– Шастал везде. И в Киркефьорде тоже. У меня была маленькая ферма, – Крог снова наморщил нос. – Однажды утром все двери оказались нараспашку, все загоны открыты. Коровы умные, они стояли на месте, а вот за овцами мне пришлось побегать.

– Это сделал он?

– Так говорили.

– Но он не признался?

– Признался, он этим и промышлял. Где бы он ни появлялся, тут же всплывала какая-нибудь дьяволыщина.

– Вы с отцом пытались поговорить?

– Другие, еще до меня, пытались. Ему было плевать.

– Этот Боа пропал за несколько недель до той штормовой ночи, когда погиб отец.

– Пропал? – Крог был искренне удивлен.

– Так говорят.

– Он шастал повсюду. Наверняка промышлял каким-нибудь очередным воровством.

– Вы что-нибудь помните о той ночи?

– По ночам часто штормит, – Крог одернул рубашку. – Живешь в Киркефьорде, привыкай к непогоде.

– Мальчик в инвалидном кресле тоже погиб в эту ночь.

Старик снова оживился.

– Я помню, – сказал он. – Он скатился в море и утонул.

У Рино были другие сведения, но он решил оставить Крогу ту версию истории, с которой он прожил больше пятидесяти лет.

– Да. Но его брат – этот Боа – он так и не появился.

– Правда?

Рино снова удивился тому, что исчезновение мальчика не вызвало никаких разговоров или слухов:

– Да, Руаля так и не нашли, Оддвар навсегда исчез.

– Думаю, никто о нем особо не скучал. О Боа. Может быть.

Люди, очевидно, подустали от этого хулигана.

— Вы знаете что-нибудь о том, что отец жестоко обращался с сыновьями?

Крог снова облизал губы.

— Пожалуй, так.

— Мне говорили, что особенно тяжело приходилось Руа-лю. Кто-то даже утверждает, что именно из-за этого мальчик оказался в инвалидной коляске, из-за многолетних избиений со стороны отца.

— Когда речь идет об этом отребье, я ничему не удивляюсь.

— Но точно вы не знаете?

Крог протянул руку и поднял ко рту пустой стакан.

— Попросите Йориль принести мне воды, пожалуйста.

— Медсестру?

— Золотые волосы. Йориль хорошая, — голос задрожал.

— Сейчас.

Рино нашел первую попавшуюся медсестру, судя по цвету волос, это была именно Йориль. Старик осторожно сделал два глотка, а затем продолжил.

— Люди говорили, да. Что он бил мальчиков. Боа точно этого заслуживал, но избивать калеку...

Крог взглянул на свое инвалидное кресло, стоявшее между кроватью и шкафом.

— Да, я помню. Люди в Винстаде говорили, что отец жестоко обращался с мальчиком. Вы говорите, его тело так и не нашли?

На глазах старика появилась пелена.

– Унесло течением, – соврал Рино, подумав, что от правды сейчас толку не будет. Рано или поздно она все равно всплывет.

– Это точно сделал Боа.

– Сделал что?

– Убил их.

– Почему вы так решили?

– Если бы вы его знали, вы бы тоже так думали.

Рино проголодался и выбрал самый простой вариант: заправка. Как обычно, заходя в магазин или на заправку, он проглядел стойку с компакт-дисками. Краем глаза он заметил, как оживилась продавщица, увидев его. Неудивительно, что он ей понравился. Рино всегда привлекал внимание, бывшая жена гордилась этим, но и ругалась. Инспектор взглянул на свои сабо и решил, что пришло время от них избавиться. Деревянные ботинки годятся только для голландцев. Он разыскал сборник классиков тяжелого рока в новой обработке и со скидкой. Большинство из этих песен были у него в оригинале еще на кассетах, но так как ничто другое из предложенного не годилось восьмидесятым и в подметки, подошло и это.

– И бургер, – сказал он, положив диск на прилавок.

– Придерживаетесь буквы Б?

– В смысле?

– Три Б. Помните?

Она улыбнулась, как будто у них была общая приятная тайна.

– В этот раз чистое совпадение.

– Булка пшеничная или ржаная? – она подчеркнула звук «б» в слове «булка», очевидно, не уловив, что шутка уже устарела.

– Ладно. Пусть будет ржаная, – скручиваям для пресса нужно было подкрепление.

– Вы живете в Рейне?

Рино понял, что улыбка с прошлого флирта зашла слишком далеко, пожалуй, он нажил себе проблему.

– Да, за поворотом.

– Один?

– Один, пока, – Рино тут же понял, что ответ прозвучал двусмысленно, а по выражению ее лица увидел, что она истолковала его наихудшим образом.

– Может стать одиноко, – продавщица чуть не проглотила бургер, передавая его Рино. – С вас ровно 120 крон.

Очевидно, это должно было означать, что она сделала ему большую скидку, но переспросить он не решился. Он провёл карточкой, сделал прощальный жест рукой с бургером и уступил место мальчику в очереди. На всем пути до входной двери он чувствовал спиной ее взгляд, чувствовал его и дальше, спускаясь к причалу.

Рино почти не пользовался своим старым 240-м «Воль-

во» с тех пор, как приехал сюда. Рейне в общем-то представлял собой разросшуюся деревушку, все было в шаговой доступности – только супермаркет «Кооп» находился на другой стороне бухты. Рино прошел пару сотен метров до участка мимо здания, которое намекало, что когда-то здесь царили князьки. А вот сам участок вовсе не годился для князьков, он находился в подвале одноэтажного здания, но Рино уже чувствовал там себя как дома.

Он снова не обнаружил за письменным столом Фалка. Частичный больничный явно доходил до стопроцентного. Рино сел и взгляделся в рисунок, который Фалк прикрепил к одной из полок. Инспектор все еще считал, что его нарисовал ребенок. Разозлившийся ребенок? Пару лет назад Рино уже расследовал дело, в котором преступник оставлял «визитную карточку» в виде детских рисунков. Поэтому он не собирался отказываться от этой версии. Лицо или, точнее, маску явно нарисовали со всей злостью. Большие черные глаза с кроваво-красными зрачками, гримаса ненависти. И зачем кому-то вешать такой рисунок? И даже если так, зачем вешать его под потолком, почему не на высоте лица?

Чем дольше Рино смотрел на рисунок, тем более неприятным становилось его предчувствие. Не просто так Фалк забрал его с места преступления домой и хранил там столько времени. Он что-то значит. Но тот, кто мог бы это объяснить, был обожжен до неузнаваемости и не мог донести свою мысль.

И тут Рино вспомнил. Пострадавший был постояльцем пансионата. То есть в результате несчастного случая он был травмирован дважды, так как теперь ему приходилось соседствовать с тетушкой.

Взглянув на часы, Рино понял, что до конца рабочего дня осталось всего пятнадцать минут. Он набрал номер телефона администрации муниципалитета Москенес и попросил соединить его с начальником пожарной охраны, хотя, очевидно, дойти до здания администрации было бы намного быстрее. Пара минут ожидания, и трубку взял Астор Виик. По голосу было слышно, что дым пожарного не пощадил. Либо в Рейне частенько что-нибудь горит, либо Виик – заядлый курильщик.

– Я и сам все думаю о том происшествии, – сказал Виик после того, как Рино представился и объяснил ход своих мыслей.

– Почему?

– Сам не знаю. Газонокосилку проверили, но причину взрыва так и не установили. По словам производителя, раньше такого никогда не происходило. Они, кстати, тоже попросили разрешения осмотреть косилку после того, как наши люди закончат работу. Они настаивали на том, что взрыв произошел снаружи, но, конечно, они смотрят на это дело через призму денег, так что нельзя ничего утверждать.

– Мог ли этот несчастный случай быть подстроен?

– Мог ли, мог ли. Нет, не думаю. Если кто-то хотел сделать

что-то плохое этому мужику, существуют гораздо более простые варианты. Думаю, он неосторожно обращался с бензином и открытым огнем, вот и все. Меня удивляют масштабы повреждений. Ведь несчастный, насколько я знаю, оказался прикован к постели.

– Видимо, взрыв был сильнейший.

– Вот это меня и смущает. В газонокосилку влезает не больше литра бензина, но взорвалась еще и канистра, так что мы говорим в целом о шести литрах. От такого возникнет приличный костер.

– Но с вашей стороны дело закрыто?

– Закрыто, да, но не в моей голове. Как будто бы здесь, ой, не знаю.

– Как будто бы что?

– Я служу пожарным больше двадцати лет, знаю свое дело хорошо. Я уверен, что провел тщательное расследование там, в гараже, в тот день, но. что-то с этим происшествием определенно не так.

Рино встретился взглядом с кроваво-красными зрачками маски. *Что-то здесь определенно не так.*

Глава 17

Ольга не отличалась терпением. А может быть, наоборот, именно им-то она и отличалась, потому что продолжала настаивать на общении, несмотря на безразличие с его стороны. Каждый день она отправляла ему новое письмо, хотя еще не получила ответ на предыдущее. По правде говоря, для него дни слились в один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.